

ПРИЗВАНИЕ – ПИСАТЕЛЬ

СБОРНИК
НОМИНАНТОВ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ

ЗОЛОТОЕ
ИЗДАНИЕ

Сборник Мария Александрова Призвание – писатель. Том 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67806756

Призвание – писатель. Том 3: сборник прозы и поэзии / составитель

Мария Александрова: Четыре; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-907557-33-8

Аннотация

В сборнике современной прозы и поэзии издательство «Четыре» вновь объединило литераторов ближнего и дальнего зарубежья. Читатели не только встретятся с уже знакомыми и полюбившимися авторами, но и откроют для себя новые имена.

Эра компьютеров и интернета всё больше покоряет мир. Несмотря на это, нам пока сложно представить свою жизнь без хороших книг. Увлекательные сюжеты и интересные персонажи неизменно привлекают нас, заставляя испытать радость либо почувствовать боль. И всё это благодаря руке писателя и его кропотливой работе.

Наша жизнь непредсказуема и многогранна, а литература, помимо природного дарования, требует отточенного слога, терпения и ежедневного труда. И лишь время даст понять, действительно ли стремление писать – призвание от слова «зов».

Содержание

Писать от слова «зОВ»	8
Лев Альтмарк	10
Первый день мира после войны	12
Дуэль	18
Баллада о Ленни Джонсоне	35
Ольга Бахарева	44
Двое под дождем	46
«А нам холодно...»	53
По дороге домой	62
Пятачок	69
Наталия Белостоцкая	75
БЫТЬ или НЕ БЫТЬ	77
Кристина Ботнари	85
Волшебный лес	88
Таррагона	89
Мой Мир	90
Свобода духа	92
Не завидуй...	93
Виноградная лоза	94
Маме	95
Николь	96
Сыну	97
Женщина	98

«Богатое у нас воображение...»	99
Встреча с агентом высших сил	100
Весна	101
Стихи с юмором	102
Блондинки	103
Брюнеткам	104
Мартовская кошка	105
Гороскоп	106
«Ну вот и пятница опять...»	107
«Пятница, лето, друзья, шашлыки...»	108
Мне всё ещё за тридцать	109
«Март, двадцать первое число....»	110
«Наполнен зал цветами – полные корзины...»	111
Наедине с собой	112
«Но ведь когда вселился бес...»	113
«Как хорошо на свете жить, когда душа поёт...»	114
Новогодние стихи	115
Facebook	116
Я космополит	117
Музам	118
Открытие Большого театра	119
Секрет рождения стихов	120
Наши дети	121
«Зачем нам нужен весь «аврал»?..»	122
Летний дом	123

Запах осени в горах	125
«Вот снова осень наступает...»	127
Осень	128
«Земля опять теплом согрета...»	129
«Шум дождя, и белая ромашка...»	130
«Пусть этот тихий шум прибоя...»	131
Ханох Дашевский	132
Отрывок из романа «Рог Мессии»	134
Конец ознакомительного фрагмента.	157

**Призвание – писатель. Том
3. Сборник прозы и поэзии
Составитель Мария
Александрова**

издательство

ЧЕТЫРЕ

© Издательство «Четыре», 2022

Писать от слова «ЗОВ»

*Вникая в некоторые слова, в самое их звучание,
мы находим их первоначальный смысл...*

К. Паустовский. «Золотая роза»

Эра компьютеров и интернета всё больше покоряет мир. Несмотря на это, нам пока сложно представить свою жизнь без хороших книг, которые вызывают сопереживание их героям, дают пищу для ума, заставляя размышлять, а порой и действовать.

А чтобы мы могли читать книги (и не столь важно – электронные или бумажные), необходимы люди, их пишущие. Уже знакомые, полюбившиеся авторы, а также новые имена. Поэтому издательство «Четыре» предлагает вашему вниманию этот сборник, который вновь объединил современных литераторов ближнего и дальнего зарубежья.

Жизнь писателя увлекательна, наполнена яркими событиями и впечатлениями, но в то же время не так проста, как может показаться на первый взгляд. В поисках интересного сюжета или персонажа, который бы точно вписался в фабулу произведения, автор порой проводит долгие бессонные ночи. Именно они, досконально продуманные и такие живые герои, привлекают нас своими поступками или образом мыслей, заставляют испытать радость либо прочувствовать

их боль. И всё это благодаря руке писателя и его кропотливой работе.

Что же влечёт людей к литературе, этому тонкому и прекрасному занятию? Прежде всего голос собственного сердца. «Призвание» и «зов» – слова однокоренные...

Можно научиться сочинять красивые тексты после обучения на филфаке или мастер-классе, можно слагать стихи, которые будут совершенными в плане рифмы и размера. Но если в этом не чувствуется душа... Если, читая, не ощущаешь так называемой искры... Вряд ли в таком случае сочинителя ждёт успех. А вот когда его творение рождает собственный маленький мир, в который читатель погружается и живёт вместе с автором, тогда это настоящее предназначение.

Однако наша жизнь непредсказуема и многогранна, а литература, помимо природного дарования, требует отточенного слога, терпения и ежедневного труда. Случается, что талант и вдохновение замещаются другими необходимыми писателю свойствами: профессионализмом и самобытностью, жизненным опытом и богатым словарным запасом. И лишь время даст понять, действительно ли непреодолимое желание писать – призвание от слова «зов».

Лев Альтмарк

Родился в российском городе Брянске. После окончания Института транспортного машиностроения работал инженером, учителем, журналистом. В 1990 году поступил в Литературный институт им. Горького на семинар А. И. Приставкина. После окончания вуза в 1995 году переехал в Израиль, где и живёт в г. Беер-Шеве.

Первая подборка стихов напечатана в альманахе Брянской писательской организации, затем в тульском альманахе «Ясная Поляна» издана повесть «Стукач» (1992). После этого вышли публикации в журналах «Юность», «Дружба народов», «Нева», «Новый Ренессанс», «Российский колокол», «Литературный Крым», «Бульвар Ротшильда», в альманахах «Созвучие муз», «Золотое руно», «Российский колокол», «Русский стиль», «Арфа Давида», «Без границ», «День поэзии – 2015», «Крестовый перевал», «Под небом Грузии» и др.

Лауреат премии нью-йоркского «Нового журнала» (2020), лауреат Литературной премии им. Ю. Нагибина Израильского союза писателей (2021).

Первую авторскую книгу выпустил в 1999 году. К настоящему времени издано 11 поэтических сборников и 26 книг прозы (включая переводы и переиздания). Был участником литературных фестивалей в Македонии, Хорватии, Великобритании, Германии, Грузии и Израиле, книжных ярмарок в Иерусалиме и Лейпциге. Является членом Союза писателей Израиля и Иерусалимского союза писателей.

Первый день мира после войны

Странное ощущение, когда просыпаешься утром, и нет в тебе чувства тревоги.

Странное ощущение, когда не протягиваешь руку, чтобы включить приёмник и дожидаться утренних новостей, чтобы узнать, сколько ракет упало на твой город за ночь и есть ли жертвы.

Странное ощущение, когда нет в тебе готовности подхватиться при первых звуках сирены и бежать сломя голову в бомбоубежище...

Некоторое время ещё неподвижно лежу с закрытыми глазами и прислушиваюсь к звукам, доносящимся из открытого окна. Птицы, щебечущие в кронах деревьев, какие-то дальние невнятные разговоры старичков, вышедших погулять по утренней прохладе, шум первых автомобилей на просыпающейся улице, – другие, совсем уже непонятные, но мирные звуки...

Всё это стало немного странным и необычным, потому что последнее время всё твоё существо было словно накрыто толстым и колючим одеялом войны, которое каждого из нас придавливало тяжестью ожидания неминуемой беды, и если эта беда до сих пор не наступала, то всё выглядело крайне нереальным: никакой не удачей, как это казалось с первого взгляда, а только отсрочкой грядущего несчастья.

Отправляюсь на соседнюю улицу, где расположены несколько магазинчиков и кафе, которые до сегодняшнего дня были закрыты. Не потому что их хозяева боялись открываться из-за обстрелов из Газы, просто в такое время не было покупателей. Все по-настоящему боялись падающих ракет. Людям почему-то казалось, что в магазинчиках это может случиться быстрее, чем в другом месте. Находясь дома, хотя бы была какая-то иллюзорная уверенность, что можно успеть добежать до бомбоубежища.

Сегодня двери почти всех магазинчиков открыты, но посетителей по-прежнему немного. Прохожу мимо хозяйственного магазина, сигаретного ларька и покупаю в пекарне свежих булок к завтраку.

Сразу за пекарней небольшой продуктовый магазинчик, хозяина которого зовут Саидом. Мы с ним не близкие друзья, но каждый раз я подхожу к нему, вежливо здороваюсь, и Саид, широко улыбаясь, приглашает заглянуть внутрь. Клиентов у него немного, но я всегда покупаю в магазинчике молочные продукты, которые он получает откуда-то с территорий. Дело не в том, что это недорого или что-то такое, чего нет в других магазинах, просто я не могу отказаться, когда он мягко, но настойчиво тянет к себе клиента за рукав.

Каждый раз он угощает меня, как постоянного покупателя, чашечкой кофе, который на моих глазах варит прямо у входа в микроскопических турках и в раскалённом песке, на

низкой металлической жаровне. Утром он вытаскивает её и устанавливает до самого вечера. Уж не знаю, как он управляется в магазинчике и одновременно следит за закипающим ароматным напитком, но я ни разу не видел, чтобы кофе переливался через край. У меня так не получается. Всегда что-то меня отвлекает в самый неподходящий момент. Впрочем, клиенты у Саида бывают нечасто, а потому у него всё проходит без сучка без задоринки.

– Привет, Саид! – говорю ему. – Как дела? Как самочувствие? Как жена и дети?

– А, это ты... – всегда откликается он, сидя на стульчике около жаровни и не сводя взгляда с закипающего кофе. – Присаживайся рядом, будем кофе пить. Ты не торопишься?

– Нет, – пожимаю плечами, но каждый раз послушно сажусь на низкий стульчик напротив.

Пока Саид не снимет с огня турку, с ним лучше не разговаривать. Самый разговор начинается после того, как он разольёт кофе по крохотным металлическим стаканчикам-напёрсткам, сделает из своего первый пробный глоток, обжигаясь и дуя на край стаканчика, потом протянет другой стаканчик мне и непременно спросит:

– Ну, как тебе кофе?

Он даже не ждёт ответа, потому что уверен в своём высочайшем мастерстве.

Кофе у него действительно отменный. Я уже не раз спрашивал рецепт приготовления, и он всегда охотно рас-

сказывал мне и даже показывал, но у меня всё равно кофе не получался таким вкусным и ароматным, как у него.

– Настоящий кофе умеем варить только мы, арабы. – Саид ухмылялся и лукаво поглядывал на меня. – Вы, евреи, многие вещи умеете делать лучше, но настоящий кофе варим только мы!

– Ты это говоришь всем своим клиентам, или только мне? – пытался уколоть его я, потому что мне это было неприятно, хотя и в самом деле нигде я не пил такого вкусного кофе, как у него.

– Раньше говорил всем, но теперь перестал. Люди обижаются и больше не приходят.

– А мне, значит, можно?

– Скажи: что в этом обидного? – пожимал плечами он. – Ведь это так, или я ошибаюсь?..

Сегодня, проходя мимо магазинчика Саида, я обращаю внимание, что привычной жаровни на улице нет. Но дверь распахнута, а сам хозяин сидит на своём привычном стуле возле неё.

– Привет, Саид! – повторяю стандартное приветствие и интересуюсь: – Почему сегодня нет нашего любимого кофе? Что-то случилось?

– А ты не понимаешь?

– Не понимаю! Война же, слава богу, закончилась, больше ракеты на нас не падают. А значит, живи и радуйся.

Саид хмуро отводит взгляд в сторону:

– Это ты можешь радоваться, а мне-то с чего?

– Неужели ты не рад, что мир наступил?.. Понимаю, что в Газе твои соотечественники, но что у тебя с ними общего? Они там, а ты здесь. Они мечтают о нашем уничтожении, а тебе, по-моему, и тут, среди нас, живётся неплохо. Что ещё?

– Если бы всё было так просто, как ты говоришь...

– Ну, разъясни мне тогда! – Разговор мне крайне не нравится, но переводить его на что-то более нейтральное не хочу. – Может, я чего-то не понимаю.

Саид некоторое время напряжённо размышляет, потом машет рукой и отворачивается.

– Значит, не будем пить кофе? – задаю последний вопрос, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

– Не будем. – Саид поднимает на меня глаза, и в них столько боли и обиды, что мне становится не по себе. – Сегодня у меня вообще нет ни одного покупателя. Все сторонятся меня, как чумы. А что я плохого людям сделал? Проблема в том, что я араб? По телевизору говорят, что израильтяне теперь повсеместно начинают бойкотировать арабские лавки и магазины. Если это правда, то даже не знаю, что делать дальше. Хоть в петлю лезь...

– Ты же законопослушный гражданин, к тебе это не относится!

– Эх, если бы так!..

Домой возвращаюсь в пасмурном настроении, хотя ниче-

го особенного не произошло. Свежие булки у меня в пакете, а кофе я и сам сварить могу. Конечно, он не будет таким ароматным, как у Саида, но тоже ничего.

Главное в другом, и я стараюсь отвлечь внимание на это другое, более радостное.

Очередная война закончилась. Наступил ли окончательно мир, никто не знает, но важно, что пока повсюду спокойно и можно вести привычный образ жизни. Гулять по улице без опаски, покупать свежие булки на завтрак и запивать их горячим кофе. Может быть, не таким ароматным, как у Саида, единственного на нашей улице араба – хозяина магазинчика, но тоже вполне приличным.

Разве ж дело в кофе?!

Сажусь за компьютер и пытаюсь что-то напечатать, а в голову ничего не лезет.

Лучше перейду к окну и буду смотреть на улицу.

В кронах деревьев по-прежнему голосисто заливаются птицы, где-то по-прежнему переговариваются гуляющие старички, приёмник с новостями больше не интересен, потому что по нему одна бравурная музыка.

Сморю в окно и раздумываю: навсегда ли перестали реветь сирены вокруг нас, или услышим их ещё когда-то?

Пока тишина. Нет ответов на вопросы...

Первый день после войны. Стал ли он днём мира?

22.05.2021 г.

Дуэль

Он всегда шутит, графиня, – отвечал ей Сильвио, – однажды дал мне шутя пощёчину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота пошутить...

А. С. Пушкин, «Выстрел»

...Стою под холодным обжигающим душем, и острые иголки струек весело покалывают голову, плечи, грудь, спину. Заклеенная пластырем рана на плече пока не болит, лишь что-то горячее тяжело пульсирует под пластырем. И хоть голова гудит, будто я некоторое время назад крепко выпил и теперь никак не могу отойти, сообщает она пока нормально.

И ещё... мне отчего-то безумно жаль себя. Так бывает, когда по ошибке или по незнанию попадёшь в глупую ситуацию, из которой выбраться никак не удаётся, а тебя всё больше и больше затягивает в мрачную воронку чёрной безысходности..

Осторожно ощупываю рану на плече, и она отзывается глухим толчком боли. Рука пока худо-бедно сгибается, но я знаю, что спустя некоторое время она распухнет, и боль станет настолько сильной, что даже пошевелить плечом не удастся.

Значит, нужно всё успеть сделать до этого... Но что я смогу сделать одной рукой – кто бы подсказал? И всё-таки попытаюсь...

Закрываю глаза и поднимаю голову к рожку душа, чтобы колючие струйки били прямо в закрытые глаза...

Глупей этой ссоры и представить, наверное, невозможно. Мы, четверо старинных друзей, периодически по выходным собирались у кого-нибудь дома выпить по рюмке коньяка и сыграть пульту-другую в преферанс. Крутым игроком никто из нас не был, да и для настоящей игры нужно быть человеком азартным и заводным, а мы не такие. После тяжёлой недели никому не хотелось лишних телодвижений, поэтому каждая игра была всего лишь лёгким и приятным времяпрепровождением с шутками и анекдотами. Хотя играли мы всё-таки на деньги, ставки никогда не задирали, и даже проигравшись в пух и прах, лишиться можно было совсем небольшой суммы. В размере, скажем, стоимости той же бутылки коньяка, что перед игрой мы непременно покупали вскл адчину.

В тот день мне не везло. Игру за игрой я проигрывал, и это было неприятно, но не смертельно. А тут ещё мой лучший друг Гарик неожиданно пошёл «вразнос» – ведь ему сегодня везло больше остальных – и принялся неожиданно для всех злобно подшучивать надо мной и моей игрой.

Передавать его слова не буду, чтобы не завестись, как то-

гда, и не послать его очередной раз по известному адресу. И хоть всё поначалу выглядело лёгкой пикировкой близких друзей, Гарик неожиданно рассвирепел после моей ответной шутки, швырнул карты на стол и подскочил как ужаленный.

– Ты, свинья, меня всерьёз оскорбить хочешь?! – вдру- заорал он, отталкивая руки удерживающих его приятелей. – Думаешь, что за такие слова я тебе морду не набью?.. Набью и не посмотрю, что мы лучшие друзья... Сперва бы играть научился!

Вероятно, дальше продолжать карточную игру не имело смысла, и я тоже встал.

– Всё, братцы, спасибо за компанию, – миролюбиво про- бормотал я и бросил на стол купюру – свой проигрыш. – Мне пора домой. Приятно всем оставаться...

– Нет, ты не уходи от ответа! – прокричал мне в спину Гарик. – Оскорбил человека и теперь трусливо в кусты?.. Что за лакейские манеры?!

Тут уже пришёл черёд вскипеть мне. Уж в чём-чём, а в трусости и лакействе меня никто никогда не обвинял. Мне и на войне побывать довелось, и стрелять в противника, и пулю ответную получать... А тут эта тыловая крыса, отси- девшая всю Вторую ливанскую на дальнем аэродроме, смеет упрекать меня!.. Такого выдержать я уже не мог.

Резко развернувшись, я обошёл вокруг стола и отвесил Гарику звонкую пощёчину. Все от неожиданности замерли, а я, не обращая ни на кого внимания, направился к дверям.

– Дуэль! – вдруг заорал Гарик. – Как встарь, дуэль из-за оскорбления за карточным столом! И никаких примирений!

Мы знали, что он немного повёрнут на всевозможных аристократических причудах: заказал себе в Интернете кольцо с масонским треугольником, читает книги о российской императорской фамилии, собирает документальные фильмы о таинственных ритуалах. Но чтобы сейчас ему в голову пришла мысль о дуэли – это было что-то новое и необычное.

– Дуэль? – Я обернулся и даже усмехнулся. – Ты хоть стрелять-то из пистолета научился?.. Оружие в руках держал?..

Гарик перевёл дыхание и, не спуская с меня взгляда, зловеще выдал:

– Тебя бы больше устроило, если бы я в ответ просто дал тебе по морде? Твоё плебейское нутро не принимает иного выяснения отношений?

Всё это, ей-богу, уже скатывалось в полный абсурд. Затеять в наше время дуэль, когда даже самая отчаянная ругань между собеседниками заканчивалась максимум оскорблениями в Фейсбуке или, как совсем уже крайний шаг, безобидной «ябедой» в полицию на разбушевавшегося сквернословия!

Нет, такое было невозможно по определению.

Тем не менее злость на Гарика во мне уже начала стихать, однако протягивать руку в знак примирения я не собирался. В конце концов, он первый начал и первым должен извиниться. Честно признаться, я тоже был не совсем прав, но

кто сейчас будет взвешивать, чьей вины в нашем глупом конфликте больше?..

– Да ладно вам, успокойтесь уже! – подал голос Виталик, один из наших коллег по преферансу. – Нашли из-за чего ссору затевать! Тоже мне, горячие финские парни...

Наверное, он рассчитывал, что этим нас рассмешит, но никто даже не улыбнулся.

– Ну, я жду! – напомнил Гарик. – Струсил?

Второй раз он уже упоминал о трусости, и я не выдержал:

– Дуэль так дуэль! Какое оружие выбираешь – пистолеты, шпаги, или будем биться подушками?

Наверное, у Гарика ещё оставался вариант закончить всё миром, перевести в шутку и потом окончательно помириться за столом, откупорив новую бутылку коньяка. Но он неожиданно оказался упрямым, как баран:

– Пистолеты! И на расстоянии пятнадцати шагов! Всё как положено по дуэльному кодексу!

О дуэльном кодексе он, вероятно, где-то читал, – в отличие от меня, ничего не знавшего об этих замшелых офицерских традициях. Пятнадцать шагов?.. Да и чёрт с ним, пускай будет пятнадцать. А вот с пистолетами дело обстояло серьёзней. Он не случайно о них вспомнил, потому что своего оружия у него не было, а у меня всё-таки был пистолет ещё с тех времён, когда я работал охранником в поселениях за зелёной чертой и имел разрешение на оружие. Тогда-то я, имея казённый пистолет, купил себе на всякий случай ещё

и личный. Казённый-то рано или поздно пришлось сдать, а другой у меня остался.

– У тебя хоть есть пистолет? – усмехнулся я, всё ещё не принимая слов Гарика всерьёз.

– Найду! – насупился он. – Или из одного пистолета стреляться будем – твоего. Если ты, конечно, постарайся последний раз сыграть в благородного человека!

– Вот оно как! – пуще прежнего обиделся я. – Дать тебе выстрелить в себя из моего пистолета? Может, ещё показать, как затвор передёргивать и на курок нажимать?.. Впрочем, уговорил, дам поиграть. Только учти, ты потом сам об этом пожалеешь!

– Не твоё дело! – огрызнулся он. – Пожалею – значит, пожалею...

Это дурак даже не представлял, что такое современное оружие! Если пистолеты времён, скажем, Пушкина или Лермонтова били наугад во все стороны, и попасть в цель из них было довольно проблематично, то из современных вполне можно уложить противника наповал, особо не напрягаясь, уже с первого выстрела. Да ещё с пятнадцати шагов. Эти игрушки не для дуэлей предназначены, а для убийства...

Но как это объяснить разъярённому Гарикау?.. Чего доброго, снова начнёт кричать о моей трусости!

– Как скажешь... – вздохнул я и повторил: – Дуэль так дуэль. Придётся стреляться из одного пистолета по очереди.

– Э-э, мужики, что это вы затеяли? – подал голос Виктор,

второй наш приятель. – Я-то думал, что вы так прикольно пикируетесь друг с другом, а вы... всерьёз это, что ли?

– Серьёзней не бывает! – отмахнулся от него Гарик. – Кстати: ты, как врач, будешь присутствовать на дуэли и сможешь, если кого-то ранят...

– Ни фиги себе! Нет, вы просто с ума посходили! – Виктор даже затряс головой и потянулся за сигаретой. – Мало вам преферанса, так решили в дуэль поиграть?! Идиоты, честное слово!

– Не хочешь – не надо. – Гарик отвернулся от него. – Катись на все четыре стороны, без тебя обойдёмся...

– Ну да, обойдётесь! – заскрипел Виктор, чиркая зажигалкой. – Перестреляетесь к чертям, а я в стороне останусь? Кто вам будет сопلي кровавые вытирать, если продырявите друг друга?! Идиоты, честное слово...

Короче говоря, мы так и не помирились в тот вечер, а разошлись по домам, не закончив игру, не попрощавшись и не глядя друг на друга.

– Завтра в девять вечера в парке! – крикнул мне вдогонку Гарик. – В это время там уже никого нет, можешь не опасаться, что тебя заметят. Репутация твоя не пострадает. И пистолет прихвати, не забудь... Не придёшь – буду считать последним трусом и...

Дальше он прибавил такое слово, за которое убивают на месте. Был бы у меня с собой пистолет, честное слово, не

стал бы дожидаться завтрашнего вечера.

До утра я проспал спокойно, уже остыв и ещё до конца не представляя, что всё происходящее не дурацкий розыгрыш, который непременно закончится примирением с обязательным распитием очередной бутылки коньяка под нетрезвые заверения в вечной дружбе. На Гарика я больше не злился, даже несмотря на то, что язык у него оказался грязным и столько оскорблений в свой адрес слышать мне ещё не доводилось.

Но утром, едва я встал с кровати, сразу вспомнил о пистолете и полез в маленький домашний сейф, где храню документы и деньги. Там в дальнем углу лежал мой почти игрушечный браунинг, из которого я и стрелял-то всего пару раз в тире.

Едва пистолет привычно лёг в мою ладонь, неожиданная злоба на Гарика снова вспыхнула во мне. Как мог этот придурок, никогда не нюхавший пороха, упрекать меня в трусости? Разве я давал ему повод?.. Ну уж нет, непременно пойду сегодня вечером в парк и доиграю до конца игру, что он затеял. Придётся его основательно проучить. Погляжу через мушку на его лицо и порадуюсь тому, как он непременно струхнёт. А это случится обязательно – я просто уверен! Мало кто выдерживает, когда ему целятся в лоб. Стрелять, конечно, не стану. Но как следует попугать его, безусловно, необходимо. В этом и сомнений нет.

Пистолет согласно покачнулся в моей ладони...

Весь день я провёл спокойно, лишь изредка вспоминая о том, что произойдёт вечером. Это же надо: какие-то глупейшие предрассудки двухсотлетней давности! Тоже мне, гусары нашлись! Серьёзно я всё ещё об этом не думал, лишь после обеда меня почему-то стала бить непонятная дрожь. Я не верил, что намерения у Гарика окончательные и он в самом деле явится в парк стреляться. А явится – так мы наверняка просто посмеёмся, и потом...

Какими будут отношения между нами дальше, я пока не представлял, но той теплоты и сердечности, что раньше, наверняка уже не будет.

Перед самым выходом из дома мне позвонил Виктор и поинтересовался:

– Ну что, господин дуэлянт, не передумал стреляться?

– Я и не собирался стреляться... Хотя не знаю, – только и ответил я, – пускай этот горячий финский парень сперва извинится передо мной, заберёт свои поганые слова обратно, а я подумаю. Ты с ним уже разговаривал?

– Он и слушать меня не захотел, лишь напомнил, чтобы я не опаздывал.

– Значит, в парке и встретимся, – ответил я мрачно.

Следом за ним позвонил Виталик. Он принялся сразу ругаться и заявил, что я такой же упёртый баран, как Гарик. Нет чтобы перевести эту глупую перепалку в шутку...

С Виталиком разговаривать я уже не стал. Да и о чём тут

говорить?

В парк я явился последним. Все трое – Гарик, Виктор и Виталик – ждали меня, сидя на лавке под фонарём, и нервно курили.

– Там, в глубине за деревьями, маленькая полянка, – куда-то в сторону махнул рукой Гарик, не глядя на меня, – туда и пойдём. – И уже мне: – Пистолет не забыл?

– Не забыл, – кивнул я головой и отправился следом за ними.

Полянка и в самом деле оказалась закрытой со всех сторон кустарником и деревьями, и со стороны совершенно не было видно, что на ней происходит.

– Видно, мне быть секундантом у обоих, – невесело усмехнулся Виталик. – Врач остаётся на стрёме... Ну, господа дуэлянты, не передумали стреляться? Может, лучше выломать по хворостине – вон их сколько вокруг – и фехтовать друг с другом, а? Вот смеху будет...

– Не городи глупостей! – Гарик недобро глянул на него, подхватил ветку, валявшуюся под ногами, и на середине полянки воткнул в землю. – Отсюда разойдёмся на пятнадцать шагов...

– Может, всё-таки без пистолета обойдёмся? – заныл Виктор. – А то у вас игра далеко уже зашла. Чего доброго, и в самом деле стрелять начнёте, друг друга пораните, а мне потом перевязывай вас, трать бинты. Да и полиция наверняка

не обрадуется таким игрищам...

– Давай, секундант, командуй! – Гарик глянул на Виталика, и тот невольно поёжился. – Не тяни время!

– Что командовать?

– Ну, ты должен сказать, что право выстрелить первым предоставляется тому, кого вызвали на дуэль.

– То есть не тебе?..

– Да, не мне, – он вздохнул, и сразу все почувствовали, что ему эта игра тоже не нравится, но отказаться от неё он уже почему-то не может.

Я ничего не сказал, лишь вытащил браунинг из кармана и отправился на середину полянки к ветке. За мной последовал Гарик.

– Слушай, – сказал я ему, пока друзья не слышат, – давай всё заканчивать, пока до крови не доигрались. Браунинг осечек не даёт, а пульки летят прямо в цель, никуда не сворачивая...

– Струсил? – затянул старую песню Гарик. – Давай, топай свои пятнадцать шагов от ветки...

Оказалось, что мои пятнадцать шагов и его пятнадцать шагов – это совсем небольшое в сумме расстояние между нами. Если бы я всерьёз собирался его застрелить, то у него не осталось бы ни единого шанса уберечься.

– Давай, стреляй! – скомандовал Гарик и повернулся боком, как это делают киношные гусары-дуэлянты. Ох, эти дурацкие штампы!

Пожав плечами, я передёрнул затвор и поднял пистолет. Конечно же, стрелять в него я не собирался. «Напугаю дурака, – решил я, – чтобы впредь не забивал себе голову подобной чепухой.

В прицеле я видел, что лицо Гарика постепенно становится бледным, как полотно. И даже в полумраке, окружавшем нас, было видно, как по его лбу стекает капелька пота, а губы подрагивают. Чувствовалось, что если я сразу не выстрелю, а буду долго целиться, то беднягу вполне может хватить удар. Но мне его уже жалко не было: парня следовало проучить, пускай помучится в ожидании выстрела.

Наконец я отвёл браунинг в сторону и выстрелил в воздух. Сухой пистолетный хлопок гулким эхом прокатился по засыпающему парку. Гарик покачнулся, потом неловко взмахнул руками и бессильно присел на корточки.

– Ну, удовлетворён? – мстительно крикнул я ему. – Закончили веселуху? Пошли по домам!

Неожиданно Гарик сиплым, срывающимся голосом закричал:

– Стоять на месте! За мной ещё выстрел!

Лицо его было злым и перекошенным. Теперь уже бледность сошла с него, и оно стало красным, как бурак.

– Передай мне пистолет! – крикнул он Виталику.

– Да хватит уже вам! – забеспокоился тот. – Один раз выстрелили, и довольно!

Ни слова не говоря, Гарик на подгибающихся ногах под-

бежал, выдернул браунинг из моих рук и повторил, отчего-то задыхаясь:

– За мной ещё выстрел!

Он вернулся на своё место, а я так и остался стоять там, откуда стрелял.

– Ты же псих! – вдруг истошно закричал ему Виктор. – Он в тебя не стрелял, ты это сам видел... Выстрели тоже в сторону, и хватит дурачиться! Если уж тебе это так важно...

Но Гарик его не слышал. Он неловко поднял пистолет и начал целиться. Чувствовалось, что стрелять ему раньше и в самом деле не доводилось, хотя в армии он наверняка держал в руках оружие. Я глядел на него, и мне было почему-то совершенно безразлично и уже не страшно, хотя лицо его было чёрным от злости.

– Не надо, не стреляй! – снова прокричал Виктор, и в этот самый момент Гарик выстрелил.

Что-то тупое и горячее ткнулось мне в плечо, и я, потеряв на миг равновесие, чуть не упал, но на ногах устоял. И даже не сразу сообразил, что пуля из моего же браунинга попала мне в плечо.

Я удивлённо потрогал набухающую кровью рубашку, потом перевёл взгляд на Гарика, с изумлением разглядывающего меня, потом на Виталика с Виктором, замерших в нескольких шагах от нас... В ту же секунду они наперебой что-то закричали, но я этого уже не слышал. В уши словно набилась вата, и я ощущал лишь толчки, с которыми кровь

выходила из раны.

Под ноги мне упал мой браунинг, брошенный неудачливым дуэлянтом, и я почему-то уставился на него, будто увидел впервые.

– И всё равно ты трус! – послышался сдавленный крик Гарика. – Трус, трус, трус! Ни в карты играть не умеешь, ни стрелять! Ненавижу тебя и очень жалею, что не убил!

Виктор бросился ко мне и стал отдирать ткань рубахи от раны, а Виталик попробовал догнать Гарика, который огромными скачками понёсся к кустам и скоро исчез в тёмных зарослях.

Ещё некоторое время до нас доносился треск ломаемых веток, сквозь которые он продирался, потом всё стихло...

Дома Виктор осмотрел рану и заявил, что пуля прошла навылет и ничего серьёзного, к счастью, не повредила. Потом он слетал в ночную аптеку, купил каких-то таблеток и бинты для перевязки. Пока его не было, я прилёг на диван, а Виталик всё время сидел рядом и печально меня разглядывал.

– Нормальный же мужик был! – сказал он. – Что с ним случилось? Дуэль какую-то устроил – детство в одном месте всё ещё играет... Ты на Гарика не сердись, мы его найдём и приведём к тебе. Он наверняка уже одумался и сожалеет о том, что сделал!

– Не надо никого приводить! – скрипнул зубами я. – Позд-

но извиняться и мириться. Он мог это сделать до выстрела, а теперь...

– Да ладно тебе! Ты тоже гусь хороший! – вздохнул Виталик. – Мог бы не доводить ситуацию до крайности... Или вообще не приходиться с пистолетом. Придумал бы, что у тебя его больше нет, или ещё что-нибудь...

– Он мне сказал, что я трус! Ты сам слышал.

– Ну и что?.. Мало ли каких глупостей он в запале мог наговорить...

В это время вернулся Виктор и принялся обрабатывать мою рану. Напоследок достал шприц и какую-то ампулу.

– Это снотворное. Сделаю тебе укол, и заснёшь спокойно. А утром всё будет в порядке. Такие несерьёзные раны быстро зарастают. Только ты пока никуда не ходи, хорошо? Утром позвони на работу и скажи, что приболел, а ближе к обеду я... мы зайдём проведать тебя. Бывай...

Когда они ушли, я переполз с дивана на кровать и закрыл глаза. Но заснуть никак не получалось, и даже снотворное не помогало. В ушах по-прежнему стоял сдавленный крик Гарика: «Трус, трус, трус!» Это дурацкое обидное слово не только не смолкало, а даже усиливалось и постепенно тяжёлыми пистолетными хлопками начало долбить в виски и в лоб.

Лежать я не мог, поэтому подхватился и стал расхаживать по комнате из угла в угол. Потом не придумал ничего интересней, как раздеться и полезть в душ...

...Стою под холодными струями воды, и она колючими острыми иголками впивается в голову, спину, грудь и плечо, замотанное бинтом и залепленное пластырем. Боли я по-прежнему пока не чувствую, зато в висках не перестают колотиться какие-то обидные и уже почти неразличимые слова. Я даже не уверен, что это слова выкрикнул Гарик.

Некоторое время стою под душем неподвижно, лишь ловлю губами капли и проглатываю. Потом открываю глаза и осматриваюсь. Взгляд неожиданно натывается на браунинг, который я зачем-то притащил с собой в ванную и бросил на пол рядом с тапками.

Сознание всё больше и больше туманится, и я даже начинаю разговаривать вслух, хотя кроме меня никого в квартире нет.

– Трусом назвал меня?.. Почему?.. Откуда он это взял?.. Трусом – из-за того, что я сразу не полез на конфликт и всё пытался уладить без скандала?.. Ведь я мог в него выстрелить, и он бы погиб! Уж я бы не промахнулся... Так ведь и он не промахнулся! А я его нормальным человеком считал...

Мне становится обидно и одиноко от этих последних слов. На глаза помимо желания наворачиваются слёзы, только в струях воды их почти не заметно.

– А сделаю я вот что...

Быстро закрываю кран, и вода сразу прекращается. Ещё минуту жду, пока по мне стекут последние капли, потом

здоровой рукой достаю полотенце и вытираюсь. Медленно, слегка постанывая от нарастающей боли в плече, натягиваю джинсы и новую чистую майку. Взгляд снова падает на браунинг.

Сую его в задний карман джинсов и приглаживаю мокрые волосы.

– Я сейчас пойду к тебе, Гарик, и мы раз и навсегда закончим наш спор. Ещё неизвестно, кто из нас больший трус. Мы это выясним. Наша дуэль ещё не закончилась...

Баллада о Ленни Джонсоне

1

Ночами я сплю плохо. Мне кажется, что какая-то моя часть – душа, что ли? – вырывается из меня и парит под потолком, недоумённо разглядывая распластанное на простынях тело. А телу почему-то тоже неймётся. Что-то мне всё время мешает устроиться поудобней и швыряет из стороны в сторону.

Просыпаясь утром с большой головой, долго лежу на мягких подушках и никак не могу ответить на надоевший вопрос, дурацким телетайпом всю ночь сверливший виски: отчего мне так плохо, и почему я никак не могу успокоиться?..

А ведь мог бы жить и жить, как остальные. Просыпаться поутру в добром здравии и хорошем настроении, пить свежесваренный кофе и гулять по оживлённым улицам с собакой, восхищаться красивыми женщинами и слышать множество звуков – шум проезжающих машин, шаги спешащих людей, бодрящую музыку духового оркестра из приёмников и новости из открытых форточек. Выпивать под вечер бокал хорошего вина и возвращаться в свою каморку, чтобы прочесть две-три страницы из толстой книжки перед сном и спокойно поживать до утра.

Но нет, почему-то такое безмятежное существование у меня не получается. Для меня в размеренном распорядке жизни таится скука неимоверная. Словно я куда-то нёсся сломя голову всю свою жизнь, ставил перед собой почти невыполнимые задачи – и решал их! Друзья, поддерживающие меня раньше, наверное, были самыми замечательными и отзывчивыми людьми на свете, и дружбой с ними я безмерно дорожил. Вместе мы творили чудеса – притом всё это получалось, как я уже сказал, просто, без особых усилий и нервов. Так, наверное, всё удавалось при сотворении мира Всевышнему. Впрочем, я не верю ни в какие божества, а если они и существуют, то ни в чём не собираюсь с ними конкурировать. Руки, ум и фантазия – вот мои настоящие божества до сих пор...

Женщина, которая появилась однажды, словно луч света, прорвавшийся сквозь толстые шторы в затхлый покой моего жилища, разрушила всё, что я создавал. Я и мои друзья. А может, и не разрушила бы, если бы я этого не позволил, но я этого не сделал, хотя прекрасно видел приближающийся хаос. Значит, во всём виноват лишь я. Какое-то странное умопомрачение...

И всё потому, что я любил эту женщину, безумно любил. Наверное, увидел в ней свой идеал, единомышленника, дышащего со мной в унисон. А вышло в итоге, что она даже не старалась приблизиться ко мне, поддавшись минутной слабости, хотя я, невзирая ни на что, бросился за ней без огляд-

ки, решив, что открою с ней для себя новые горизонты.

Только с ней я понял, что любовь – это не успокоение, а отчаяние и самопожертвование, когда с радостью растворяешься в своём избраннике, и ему требуется именно это... Всё ближе и ближе подбирался я к этой женщине, а она по-прежнему уходила от меня, не отпуская далеко, но и не давая приблизиться.

Просто она выстроила для себя совершенно другую вселенную, в которой мне не нашлось места...

2

Меня зовут Ленни Джонсон. Я и сам не знаю, в кого превратился сегодня. Да это и не важно. Всё, что пишут обо мне и говорят, – всего лишь жалкое отображение какого-то придуманного картонного персонажа, сочинённого на потребу вчера, когда это требовалось для самоутверждения, а сегодня... Сегодня я, наверное, другой. Такой, каким себя ещё не знаю. Зато я абсолютно уверен, что прожитый день – это уже безвозвратное прошлое, и он должен уходить в небытие со всеми его картинками и фантомами, и вспоминать о нём совершенно лишне. Чтобы не печалиться и не сожалеть об упущенном.

А ведь не вспоминать не получается... То и дело память выталкивает наружу пёстрые и яркие куски густого, как патока, прошлого – счастливые улыбки оставленных друзей и

покинутых женщин, ослепительные лучи софитов, гул взбурдаженной толпы, звон гитар и простенькие, но такие отчего-то необходимые всем слова песенок, сочинённых мной и моими друзьями.

Всё это раньше без остатка забирало меня, а сегодня я стараюсь очиститься от этого, как от грязи, в которой испачкал свой чистенький мещанский костюмчик. Но ни для чего другого я его и не надевал. А под ним... Что под ним?

Первое время вспоминать это было интересно. А сегодня? Уже не знаю. Может, и было бы любопытно, если бы появлялись какие-то новые детали в воспоминаниях, но их нет. Как нет и никогда не было второго дна в этих безумных и счастливых прожитых днях. Всё это безвозвратно ушло.

И потому продолжать такую жизнь, как раньше, стало невероятно скучно, а местами даже пошло. Костюмчик снят и выброшен, а что в самом деле под ним?.. Недосуг поглядеть в зеркало. И почему-то боязно...

Так старики вытаскивают из своего помутнённого от времени и невзгод сознания молодые годы, всё ещё гордятся победами над своими юными, а теперь ушедшими в иные миры подругами, ставшими жёнами и матерями их детей, потом – детьми, разъехавшимися в разные уголки света и позабывшими о немощном родителе... Чем ещё они могут гордиться?

А может, им и есть чем гордиться! Каждый из них был по-своему счастлив своим маленьким, почти микроскопиче-

ским счастьем, отвоёванным у безжалостного времени. Оно было именно таким, какого хотелось, а значит, не мне кого-то осуждать. Со временем у меня свои счёты. Как и у каждого из нас.

Остаётся только завидовать старикам и их маленьким радостям. Честное слово, им повезло больше, чем мне, хотя бы уже в том, что их мирок был небольшим, но уютным, до конца исследованным и послушным, и в нём старикам существовать до своего последнего вздоха было легко и удобно. Они знали, каким будет финал, и на иное не рассчитывали. Разве это не счастье?

Правильно ли я сделал, искусственно оградив себя высокими стенами – сперва для защиты от ураганов, стремящихся разрушить всё, что мной создавалось раньше, а потом уже и неизвестно от чего. Теперь же наступил момент, когда я и сам, даже если очень захотел бы, не смог бы выйти за эти стены. Ведь ни ворот, ни даже крохотной щели в них я не оставил, самоуверенно решив, что это не понадобится. Предчувствовал ли я, что мне когда-то не захочется такого одиночества, наивно принятого за свободу?.. Наверное, предчувствовал, но опрометчиво посчитал, что мне всё, как всегда, будет по плечу. Сам возвёл стены – сам их и разрушу...

В конце концов я даже решился на отчаянный шаг: попробовал отказаться от женщины, которую любил. Как поздно мне стало понятно, что любовь требует жертв, которых обоим необходимо приносить на её алтарь! Абсолютной свобо-

ды, о которой грезишь с юности, не бывает. Каким бы бунтарём и ниспровергателем авторитетов ты ни считал себя, каждый раз ограничиваешь себя рамками – собственными, искусственными и прилипчивыми, как грязь к ботинкам. Рано или поздно начинаешь бороться с ними, и ничего не можешь поделать. Следом за одними встают новые рамки, и это продолжается бесконечно. Пока не выбиваешься из сил...

Круг очерчен, и нужно с этим (хочешь ты того или нет) смириться. Даже попробовать жить дальше, не переступая границ. Больно это с непривычки и несправедливо, но устаёшь быть бунтарём и ниспровергателем собственных монстров и монументов...

3

Я даже не пытался доказать всем, следившим за каждым моим шагом, что счастлив и самодостаточен. Им достаточно было лишь убедиться, что мои иллюзии и воображение и есть то самое вожаделенное и неподдельное счастье, которого всем так не хватает. И этим суррогатом настоящих чувств, красочной картинкой собственного благополучия я щедро делился с каждым, кому потребуется...

Долго ли такое могло продолжаться?

Потому я и запел новые, необычные для себя песни, заговорил о проблемах, которые беспокоят уже не меня одного, а каждого из тех, кто ко мне пока что прислушивался. Услы-

шан ли был мой голос? Понял ли кто-то, что это были не столько песни, сколько удары моего сердца? Уже настоящие, а не придуманные... Кровь и надрыв, бессильная ненависть и страх, и от них оставался один шаг до беды. Не до победы – до беды...

Даже в непростых отношениях с любимой женщиной я, почти пересилив себя, изменился – внешне стал добрым и покладистым семьянином, примером для миллионов тех, у кого никак не складываются взаимоотношения с любимыми. Я верил, что у меня получится, а кроме того – снова получится что-то сказать людям. Хотелось ли мне в тот момент превратиться в гуру, каждое слово которого считают откровением?.. Трудно ответить однозначно, ведь это всё-таки стало бы частью вождя счастия, которым я собирался поделиться со всеми, и которого достичь даже самому пока не получалось. Может, и удалось бы однажды, да время ушло...

С печалью и жертвенной готовностью я ждал, что рано или поздно карающий меч, под которым я всё время ходил, опустится на мою повинную голову. Бесконечно подниматься по лестнице невозможно. Где-то на середине подъёма ступеньки оборвутся, и дальше будет неминуемое падение в пропасть. В никуда. А впереди ещё останется столько ступенек, на которые хотелось бы шагнуть...

Невозможно быть одновременно успешным и до конца свободным. А я таким, наверное, всё-таки был, как ни убеждал себя в том, что имеющееся у меня сегодня – всего лишь

подножие счастья, крепкое и нерушимое, а вот сделаю ли ещё шаг, потом ещё полшага, и дальше...

А дальше ничего не могло быть, потому что есть всё же некая высшая сила, не позволяющая подняться над своей природой и миновать свою пропасть. Вырваться из собственной убогой оболочки, взмахнуть крылами и полететь...

Я, Ленни Джонсон, так и не ставший ни богом, ни гуру, а больше всего желавший остаться человеком, понимал это как никто другой. Просто никому не удавалось подняться так высоко, чтобы увидеть то, что скрыто вдали...

Потому я и принял с готовностью и благодарностью пули, выпущенные в меня случайным завистником-безумцем, жаждавшим прикоснуться ко мне хотя бы пулей. Я ничего не опасался, потому что прекрасно понимал: так стремительно, в одно мгновение, мой путь закончиться не сможет, и смертельное ранение ничего не изменит.

Повторяю: я предчувствовал это.

В то роковое и, наверное, всё-таки счастливое звёздное мгновение я с готовностью поднялся на новую ступеньку своего бытия, оставив всё, что было раньше, за чертой, которой наивно разделяют жизнь и смерть. Всё же сумел выйти из своего заколдованного круга.

Вышел – но куда? Какие новые горизонты распахнутся передо мной? То ли это, что я предполагал?

Но... почему в глазах темно, а вокруг мёртвая тишина?!

...Потому и сплю плохо по ночам. Мне кажется, что ка-

кая-то моя частица – нет, не душа, а нечто иное, чему названия нет, – постоянно вырывается из меня и парит под потолком моего жилища, разглядывая распластанное на простынях измученное тело. А потом возвращается ко мне и рыдает обиженной женщиной на груди.

Я ни о чём больше не сожалею. Сожалею лишь о том, что так и не достиг простого человеческого счастья, о котором не переставал мечтать. Первый раз в жизни не добился того, чего хотел.

А может, и об этом уже не сожалею. Поздно...

Да и кому это нужно в окружающем меня вселенском мраке?! Или свете, которого глаза уже не видят...

Ольга Бахарева

Родилась в небольшом посёлке Кольшилей Пензенской области (РФ).

Увлекается литературой с десятого класса, с восемнадцати лет пишет стихи. С 2007 года стала писать прозу.

Автор сборника стихов и рассказов «Говорят: поэты ленивые» в электронном и бумажном виде (серия «Российский колокол»), номинант Лондонской премии 2015–2019 за этот сборник. Член Интернационального Союза писателей. Автор рассказов в альманахе «Российский колокол» ИСП. Дипломант международного литературного конкурса им. М. Ю. Лермонтова (2019) «Новые имена в литературе». Кавалер медали «65 лет Интернациональному Союзу писателей». Обладатель двух дипломов ИСП «За творческую индивидуальность».

В феврале 2021 года при финансовой поддержке Интернационального Союза писателей вышел в свет первый роман «Вернись ко мне» (серия «Современники и классики»).

Двое под дождем

Посвящается поэтессе Ларисе Ивановне Яшиной

Холодный весенний дождь упорно хлестал по спине. Людям устало шли за гробом. Осталось совсем немного до погоста. Казалось, душа и сердце каждого плачет вместе с такой уныло-тоскливой погодой.

Впереди шел мужчина лет пятидесяти. Сутулился, очки сползли с переносицы, и он судорожно их поправлял. Выглядел намного старше своих лет – так согнуло его горе. Сзади шли родственники, друзья и коллеги покойной. Это была любимая мужчины, еще с юности. Его Елена, внезапная кончина которой буквально убивала.

Черная как смола толпа двигалась вперед. Наконец подошли к свежерытой могиле. Поставили табуретки. Осторожно опустили гроб.

Мужчине казалось, что это происходит не с ним, а с кем-то другим. Наступила мертвая тишина. Тихо плакали и всхлипывали женщины. Мужчины иногда осторожно произносили, обращаясь к нему: «Ну, хватит! Возьмите себя в руки!»

Председатель пензенского Союза писателей Вадим Андреевич Шальков глубоко вздохнул:

– Поэтесса Елена Викторовна Спутникова была гордостью

Сурского края! Она начала творческий путь со школьной скамьи. Сохранила верность себе и искусству до конца жизни. Уважаемая Елена Викторовна, вы передали знания и любовь к поэзии поклонникам и ученикам! Спасибо вам. Мы будем долго о вас помнить.

Вадим Андреевич замолчал. Горло сдавливали спазмы от слез. Стало трудно говорить и дышать. В конце он произнес:

– Последний сборник стихов опубликовать не успела...

Невысокая худощавая женщина в черном платье нервно сжимала платок в руках и смахивала соленый дождь на щеках.

– Мы опубликуем! Прощайте, Елена Викторовна, вы навсегда останетесь в наших сердцах!

Пролетела ворона, каркнула и быстро растворилась в серо-черных тучах. Стук молотка сливался со стуком сердец присутствующих.

Мужчина в очках не отрываясь смотрел на любимую женщину. Как бы он тоже хотел оказаться на ее месте!.. Почувствовав, что силы его покидают, невольно стал опускаться вниз. Крепкие мужские руки подхватили его. Он первый бросил землю в могилу. Опустив голову, старался держаться. Елена с фотографии на кресте смотрела грустными глазами. Покрытый лаком портрет утопал в цветах.

Люди медленно покидали кладбище.

У мужчины в квартире собрали поминальный обед. Он почти ничего не ел, только залпом выпил стакан водки. За

столом шел тихий разговор. Вспоминали покойницу и жалели ее гражданского мужа. Это и был тот самый мужчина. Ему хотелось одного: чтобы его оставили в покое.

Спустя полтора часа соседка вымыла посуду. Стоя в дверях, прошептала: «Если что-то будет нужно – я за стенкой».

Он молчал. Добрая, чуткая женщина хорошо понимала его душевное состояние. Закрыв дверь. Сел в зале у окна. Смотрел, как капли дождя медленно падают на асфальт. Боль от утраты была такой невыносимой, что, казалось, разорвет сердце на куски.

Память, словно машина времени, перенесла его на несколько лет назад.

...Выпускной в школе № 45 в Пензе. Елена была в школьной форме с белым фартуком. Наконец-то она распустила косу. На ногах – белые гольфы и босоножки. Он, Виктор Муравьёв, ее одноклассник, никак не решался признаться в любви. Тайком в тот день сделал фото на память, когда девушка случайно повернулась в его сторону в коридоре.

– Ой, Витя, ты меня сфотографировал?.. Хоть бы предупредил, я бы волосы поправила.

– Не надо, и так красиво.

– Слушай, а давай я тебя тоже сниму на память?

– Не надо. Я не очень красивый.

– Да ладно тебе на себя наговаривать! Подойди к тому большому кусту.

Ее голос был тихим и мелодичным, словно лирическая

музыка. Девушка направила на Виктора объектив фотоаппарата. Раздался щелчок затвора.

Лена улыбнулась и протянула ему аппарат.

– Кажется, кадр будет хороший.

Пауза невольно затянулась.

– А ты куда будешь поступать? – спросил он.

– Мама хочет, чтобы я на кондитера училась. Сладости любят все. Однако я твердо решила: в Литинститут поеду, в столицу. Ведь ты же знаешь, поэзия мое призвание, моя душа. А ты на кого будешь учиться?

– Я еду в Новороссийск поступать, в институт. Хочу быть инженером и создавать медицинское оборудование.

Тут подбежала подруга:

– Ой, Лена, вот ты где! А я ищу тебя по всей школе. Пойдем сниматься с учителями и директором!

– Витя, пойдем. Наверняка твои тебя тоже будут искать.

В тот прощальный вечер Витя пригласил Лену на медленный танец.

Они танцевали молча. Он крепко держал девушку за талию. Она прижалась к нему так близко, что, казалось, слышит стук его сердца...

Потом жизнь разбросала их в разные стороны. Елена осуществила мечту: с отличием закончила Литинститут им. Горького. На втором курсе она вышла замуж за Александра Спут-никова – возможно, по большой любви. Несмотря на звучную фамилию, надежным партнером по жизни он не

оказался. Иногда упрекал жену: «Ты вышла за меня ради московской прописки. Правильно мне мать говорила, а я ее не послушал». Лена молчала. По ночам под храп пьяного мужа писала грустные стихи. Тайком от супруга отправляла их в толстые литературные журналы.

Спустя год Елена забеременела. К удивлению врачей, несмотря на слабое с детства здоровье, ребенка под сердцем носила легко, и роды прошли без осложнений. Однако затем стала замечать трудности с дыханием. Легла на обследование, и ей поставили серьезный диагноз, связанный с недостаточной работой легких...

Елена тогда работала главным редактором литературного журнала «Юность». В день прочитывала и отбирала сотни стихотворений юных дарований. Как-то раз, зимой, почувствовав недомогание, отпросилась с работы пораньше. В прихожей она увидела чужое пальто и зимние сапоги. Войдя, услышала доносившиеся из глубины квартиры стоны. Быстро сняв обувь, женщина прошла в спальню. На супружеской кровати муж развлекался со студенткой.

...За окном стемнело. Кукушка на часах вернула мужчину к реальности. Он не заметил, как просидел у окна несколько часов, перечитывая в памяти письма Елены.

Виктор встал со стула и принял душ. Напряжение немного спало. В горле пересохло. Выпил «горькой» и открыл холодильник. Поставил на стол салат. Ему казалось, будто он застрял во временном промежутке. Не включая света, в одеж-

де лег на диван и погрузился в темноту.

Теперь наплывом пошли эпизоды его семейной жизни.

...После окончания школы Виктор поступил в институт. С головой ушел в учебу и студенческую жизнь. Иногда по вечерам парень доставал фото любимой и долго на него смотрел. Но жизнь шла своим чередом, и как-то увидел, узнал, что дочь декана явно к нему «неровно дышит». А однокурсник шепнул – мол, хватай удачу за хвост, жить будешь как сыр в масле. Виктор подумал и решил: «Почему бы и нет? Лену все равно не вернешь».

Начал встречаться с дочерью декана, и после окончания института они поженились. Полная, невысокого роста брюнетка с голубыми глазами была счастлива.

Вот тут он случайно от бывших одноклассников и узнал о непростой судьбе любимой. Дрожащей рукой ночью написал ей письмо. Вскоре она ответила. Так завязалась переписка с Леной.

Виктор откладывал деньги с зарплаты. Покупал ее сборники стихов и по ночам перечитывал. Очень радовался, если видел свои инициалы в книге. Виктор тоже пробовал сочинять, но Эвтерпа не хотела быть к нему благосклонной.

Так и проходила семейная монотонно-безрадостная жизнь Виктора. Он старался быть хорошим отцом для двух своих дочерей. Уважал жену Лидию, но не смог полюбить. Она это чувствовала и завела любовника. Витя не сопротивлялся переменам в личной жизни. В глубине души был рад

избавиться от семейных уз.

В то же время Лена писала, как переживала расставание с неверным мужем. Виктор долго раздумывал и все же, собравшись с силами, предложил ей жить вместе. Она согласилась даже вернуться в родной город. Виктор завершил в Новороссийске дела и навсегда приехал к любимой женщине. Он не мог поверить своему счастью. Мечтал об этом и уже не надеялся, что когда-нибудь мечта осуществится.

Кроме поэзии Елена увлекалась живописью. Рисовала людей и природу родного города. Готовилась к первой выставке.

Но тут женщина стала слабеть с каждым днем. Виктор проводил с ней последние дни. Не спал по ночам. Один раз кашель был таким сильным, что Елена стала задыхаться. Мужчина вызвал «скорую», и уже из больницы любимая вернулась в гробу.

Да... Только полтора года любви и счастья. Бог иногда бывает несправедливым.

Вот такие мрачные мысли овладевали Виктором, но он решил собраться с духом и продвигать в жизнь творчество любимого человека.

«А нам холодно...»

История произошла в Пензенской области в деревне Сущёвка Кольшлейского района.

До Великой Отечественной войны в деревне строилась церковь недалеко от реки. Не все жители могли приходить в храм в праздники. Старушки боялись переходить дорогу, по которой ездили автомобили.

Настоятель храма отец Григорий решил построить церковь в селе, но война помешала осуществиться планам. Как в детстве мне рассказывала бабушка, во время войны с фашистами в Пензенскую область эвакуировали людей из разных городов. Продуктов и дров не хватало. Местные жители потихоньку разбирали церковь. Кто-то доски таскал, кто-то старинные иконы...

Жила рядом с храмом семья Крапивных. В деревне из-за фамилии их прозвали «Крапива». Глава семьи, Василий Иванович, до войны работал агрономом в колхозе. Ушел на фронт и погиб, защищая Родину на Курской дуге. Осталась Раиса Ивановна без опоры и помощи. Работала в две смены в колхозе. Потом устроилась на завод.

Летом огород спасал, а зимой приходилось особенно трудно. Дрова закончились. Один раз вернулась Раиса с работы, а дочери маленькие замерзли. Мать ее плачет и причитает:

– Ой, вы родные мои, я бы затопила бы печь! Да нечем.

Дрова все вышли.

– Мама, что случилось?

– Ой, доченька, замерзли детки. А что я могу сделать?!

Одни иконы остались.

Поднялась в душе Раисы волна злобы и отчаяния на войну, на непростую судьбу. Женщина взяла себя в руки. Если она начнет реветь, то что с детьми будет?..

– Мама, ты домой иди. Я что-нибудь придумаю.

– Что ты придумаешь?..

Старушка встала, собралась и ушла. Раиса поглядела на дрожащих от холода дочек на кровати. Пошла в спальню и достала из-под кровати иконы. Прижала к груди и быстро вышла из комнаты. Развернула, посмотрела на икону, прошептала: «Прости, Господи!» и кинула в огонь. На миг ей стало страшно, когда увидела, что огонь пожирает святой лик...

Постепенно в доме стало тепло. Женщина сварила мелкой картошки, достала хлеб. Накормила дочерей и легла спать.

Так вот Раиса тайком и топила печь. Церковь деревянная была, икон из храма никто не брал. Покойный муж и принес их в дом. Хотел в храм через дорогу отнести, но не успел.

Перезимовали, а там и война закончилась. Надо было страну поднимать.

Дочери Раисы выросли красавицами. Олеся, невысокая брюнетка, уехала в Пензу на кондитера учиться. Вышла замуж за однокурсника, жили они хорошо. Раиса приезжала в

гости и радовалась. Вскоре Олеся забеременела. Сын родился здоровым и крепким. Вот счастье-то!

Один раз, когда стемнело, пришел зять Виктор. Посмотрела на него Раиса и села на табуретку. Он тоже сел.

– Раиса Ивановна, не знаю, что с женой делать. Выпивать стала. Как ни приду с работы – пьяная спит. Колю к соседке отводит. Пробовал поговорить – одни обещания. Закодировал ее. На три месяца хватило. Я на работе устаю, отдохнуть хочется, а у меня жена пьет хуже мужика. Уже подал на развод. Сына заберу и уеду к матери.

Встал и вышел из дома.

Сидела Раиса Ивановна за столом и плакала. Утром с тяжелым сердцем поехала в Колышлей к дочери. Дверь была открыта. Раиса Ивановна прошла в зал. Дочь лежала на диване, а на полу валялись пустые бутылки. Вдруг ей показалось, что Олеся не дышит. Упала мать на бездыханное тело и заплакала.

Похоронили Олесю через день. Народу было много: приехали и коллеги из Пензы, соседи и знакомые пришли. Арина, младшая дочь, из столицы приехала.

После поминок помогла матери до кровати дойти и лечь.

– Дочь, а ты-то как? Как учеба?

– Ничего, мам, не переживай. Я на заочное отделение перевелась. Официанткой в кафе работаю. Теперь тебе буду деньгами помогать.

– Да мне не надо. Ты о себе подумай. Может, побудешь

до девяти дней?

– Мам, не могу. Меня только на два дня отпустили.

Легли спать. Утром Раиса Ивановна проводила дочь на автобус в столицу.

Арина, высокая стройная блондинка с голубыми глазами (как у отца), решила поступить в институт на бюджетное отделение экономического факультета. Заодно ходила на кастинги в модельные агентства. Пригласили ее работать в Дом моды Вячеслава Зайцева. Вскоре Арина познакомилась с состоятельным мужчиной. Ушла из мира моды, но учебу не бросала.

И стали с тех пор женщине сниться кошмары. То муж покойный явится во сне, то Олеся. Что-то говорят, а она не слышит. Просыпалась Раиса Ивановна в поту. «Не к добру это...» – думала она.

Однажды стояла Раиса Ивановна в очереди за хлебом в магазине. Слышала, как одна женщина про священника из храма в Трескино рассказывала. Мол, много хорошего она о нем слышала. Вот и решила съездить по совету знакомых. Только зашла – отец Василий сказал, что надо бы остаться на сорок дней. Каждый день постилась и молитвы читала. Вернулась домой и подала на развод. У мужа как пелена с глаз слетела. Бросил любовницу и в семью вернулся.

Собралась рано утром на следующий день Раиса Ивановна в соседнее село. Приехала на остановку, а ноги с трудом

ее несут. Чем ближе подходила к храму, тем труднее было идти. А боль какая в ногах, хоть плачь! Дошла пенсионерка до церкви – и рухнула на скамью.

Плакала от боли, пока ждала своей очереди. Казалось, прошла вечность. Наконец-то позвали ее. Волновалась Раиса Ивановна, но вошла.

Не успела она переступить порог храма, как отец Василий строго произнес:

– Простите, ничем не смогу вам помочь. Вы в войну иконы жгли в доме.

– Батюшка, что мне оставалось делать? А нам холодно было. Дети замерзли.

– Понимаю. Но иконы жечь – это большой грех. Род ваш должен прекратиться. Больше ничего сказать не могу. Возвращайтесь домой. Молитесь за упокой души дочери и мужа.

– Батюшка, как это «род должен прекратиться»? У меня внук растет от покойной дочки...

– Нет, это не сын вашей дочери. Мальчик родился мертвым. В тот день одна девушка отказалась от ребенка. Муж вашей дочери заплатил акушерке. Пока та спала, ребенка подменили.

– Батюшка, как-нибудь можно исправить?!

– Нет. Вам надо учиться смирению и молиться.

Вышла Раиса Ивановна со слезами на глазах. Еле-еле добралась до автобуса.

Приехала домой и пошла сразу в церковь на вечернюю

службу.

Народу было немного. Когда началась служба, женщина не смогла стоять, упала на лавочку. Душа металась. Ей казалось, будто она попала не в церковь, а в ад. На иконах мерещился сатана. Все-таки, несмотря на видения, Раиса Ивановна молилась и касалась руками икон. Потом долго плакала, ставя свечи за упокой души дочери и мужа.

Впервые после похорон дочери женщине стало спокойнее на душе. Она вышла из храма и побрела домой. Только стоя на крыльце, Раиса Ивановна осознала, что ноги больше не болят, и сердце тоже.

Она переделалась, легла на кровать и крепко уснула. Видит во сне: муж и дочь в цветущем саду гуляют, довольные и счастливые. Увидели ее и говорят: «Мама, спасибо! Как мы с папой мучились...» Тут послышался голос Арины: «Я тоже скоро с вами буду!»

Раиса Ивановна проснулась. «Господи! Что только не приснится, когда валишься с ног!» – подумала она. Круглые часы над столом показывали половину девятого.

Пенсионерка пошла поливать огород. Вернулась в десятом часу, отправилась в душ. Долго стояла под теплой водой, пытаясь снять напряжение в теле.

Потом достала из сумки молитвослов, начала читать вечерние молитвы. Какая-то невидимая сила отвлекала: то мысли всякие лезли в голову, то померещилось, будто в доме кто-то есть...

Прочитала молитвы и легла. Впервые за долгое время Раиса Ивановна спала спокойно.

С этого дня жизнь пожилой женщины изменилась. Вспомнила, как красиво в молодости вязала носки, варежки и шарфы. Вечерами она уже не сплетничала с соседками, а нашла старые спицы и пряжу, принялась вязать внуку носки. Тот уже перешел в пятый класс. Телевизор она тоже стала смотреть меньше: так спокойнее было.

Так и лето пролетело. Собрать урожай Раисе Ивановне зять с внуком помогли. Наварила варенья из смородины, малины и клубники. Арину в гости ждала. Может, к Новому году приедет... Дочь иногда звонила матери, переводила деньги на карту.

Приходили порой к Раисе Ивановне соседки. Чаю попить да молодость вспомнить. У всех семьи, мужья и внуки. Вот вечерами оставалась одна. Когда тоска накрывала, словно бетонная плита, женщина горько плакала. Даже не замечала, как засыпала со слезами на глазах.

Одна радость была – внук Коля. Пусть и неродной. Зять Витя всегда звонил заранее, приезжал с сыном на выходные погостить. Два дня пролетали словно миг. Виктор работал на заводе инженером в Пензе. Сына с собой забрал. Недавно женился второй раз, в январе родилась дочь. Приглашал в гости бывшую тещу, но она не поехала. Зачем мешать молодым?..

Поздней осенью, когда Раиса Ивановна хлопотала на кух-

не, тишину нарушил звонок мобильного телефона. Женщина быстро вытерла руки о фартук.

– Да! Я слушаю.

– Могу ли я поговорить с Раисой Ивановной Крапивной?

– Это я. Кто говорит?

– Раиса Ивановна, вас беспокоит Фёдор Сергеевич Крупинин из отделения полиции. Ваша дочь Крапивная Арина Васильевна попала в автомобильную аварию по дороге в столицу. Она погибла, разбилась на машине.

– Не верю! Слышите, я не верю!

Раиса Ивановна села за стол и заплакала. Телефон выпал из рук.

Через четыре дня Арину привезли в закрытом гробу. На похороны приехала молодежь из Москвы. Бывшие однокурсники и однокурсники провожали красавицу в последний путь. Приехал и гражданский муж, которого Арина бросила ради известного футболиста.

Похоронили Арину рядом с сестрой. Раиса Ивановна была чернее земли, постарела лет на десять. После смерти младшей дочери месяц в больнице лежала. Сердце слабое. Врачи, несмотря на уговоры, не выписывали.

К Новому году Раиса Ивановна вернулась домой. Соседки стали за ней присматривать. Виктор с сыном приехали на Рождество. Переночевали и уехали: работа, дела и учеба.

Жизнь шла своим чередом.

Однажды выдался по-зимнему хороший день. Снег пере-

ливался под лучами солнца. Казалось, на пушистом белом покрывале зима разбросала бриллианты...

Ушла Раиса Ивановна на кладбище к дочкам и не вернулась. Умерла на могиле от разрыва сердца. Похоронили женщину рядом с детьми.

Виктор не стал продавать дом. Он давно хотел купить дачу в области. Чем дом бывшей тещи не дача?.. Когда разбирали вещи покойницы, под кроватью нашли старинную икону. В комод лежало письмо, в котором женщина сообщала, что знает тайну зятя. Дом завещала любимому внуку. Просила ходить хоть иногда в церковь и беречь чудотворную икону.

В комод нашли еще черно-белые фотографии, теплые вещи и старый молитвослов, с которым Раиса Ивановна никогда не расставалась.

По дороге домой

2010 год, июль. В Поволжье наступило долгожданное лето. В Пензе стояла аномальная жара. Областной центр, раскинутый на просторах реки Суры, изнемогал от зноя.

Любой крупный город словно навозный жук: живёт и дышит по своим законам – быстрым, стремительным и жестоким. Пенза не исключение. Разноцветная толпа прохожих на тротуарах, снующих туда-сюда, была похожа на муравейник.

Сергей Шилов приехал из Кузнецка в Пензу недавно, всего три года назад. Путь по карьерной лестнице был долгим и тернистым. Связей у парня не было, богатых родственников тоже, приходилось рассчитывать только на себя.

Мать Вера Ивановна и отец Николай Семёнович всю жизнь проработали на заводе, а в начале девяностых, когда Сергею исполнилось десять лет, грянула перестройка. Завод закрыли. Денег не хватало на хлеб, не говоря уже о карманных расходах.

Парень по натуре был заводилой, обладал волей и харизмой. Умел, как говорится, сплотить команду. Не любил алкоголь и от наркотиков держался подальше: нахлебался отцовской пьянки, горьких слез матери, бесконечных скандалов.

Учился хорошо. Участвовал в КВН, в соревнованиях по боксу. Неоднократно становился чемпионом области. Не раз

ему предлагали сделать спортивную карьеру, но Сергей отказывался: он не собирался посвящать свою жизнь большому спорту.

Однажды дома во время очередной разборки одним ударом свалил отца на пол.

– Еще раз мать тронешь – шею сверну! – пригрозил отцу.

С тех пор тот орал на жену, но кулаки не распускал: побаивался Серёжку.

Был у Сергея друг – одноклассник Ванька Грошев. Рыжая шевелюра до плеч, лицо усыпано веснушками, хорошо сложен. Сын «нового русского». Мать, Маргарита Васильевна, работала в банке, отец, Пётр Петрович, оставил военную службу, одолжил у друзей денег и открыл сеть магазинов одежды в Кузнецке. Через полгода денежки потекли, жить стало легче. Но сладкая жизнь через пять лет закончилась. Конкуренция в то время на рынке была огромная. Вскоре прибыль упала на треть, пришлось экономить на всем.

Сергей видел, в чем проблема, но ждал удобного случая. Спустя месяц шанс выпал. Ванька после очередной дискотеки в ночном клубе, с большой от похмелья головой, открыл приятелю душу. Отец серьёзно болен, рак желудка. Вот-вот умрёт. Бизнес кому оставить?..

У Ваньки Грошева лишь к развлечениям страсть: компьютеры, казино и девушки. Да еще наркота в городе процветала – новая форма молодёжного досуга. Как уж тут устоять? Не до магазина парню было.

В последний год учёбы в школе, кроме подготовки к экзаменам, Сергей Шилов работал в магазине. Покупал модные молодежные вещи известных фирм, накручивал в два раза цену и перепродавал. Он умел не только находить нужных людей, но и убеждать их. Магазин процветал. Ванька подсчитывал прибыль и от всей души благодарил старого преданного друга. Похоронив отца, попытался вернуться к нормальной жизни.

Приятная внешность и высокий рост удачно скрывали возраст Сергея. Окружающие давали парню лет восемнадцать – двадцать. Девушки преследовали его повсюду. Он крутил с ними короткую любовь. Спорить с телом трудно: кровь в жилах бушевала, гормоны брали своё.

После измены Иры в одиннадцатом классе Сергей не верил в чистую любовь. Одна из самых красивых девушек школы выбрала парня из более состоятельной семьи. Удар по самолюбию был равносителен шоковой терапии. Сидя на крыше десятиэтажного дома и глотая горько-соленые слезы, Сергей пришел к выводу жизнь все-таки прекрасна, несмотря ни на что! Любовь в обществе воспринимается иначе, чем раньше. Вместо конфетно-букетных отношений пришло время толстых кошельков, ресторанов, заграничных туров.

Серьезных отношений не строил. Где жить-то с женой?.. В одной квартире с отцом-алкоголиком?.. Это не жизнь.

Кроме финансовой независимости юноша приобретал опыт. С первого раза поступил в пензенский вуз на отде-

ление менеджмента. Ванька Грошев пошел учиться на программиста, но свободная, полная соблазнов жизнь большого города быстро захлестнула парня, и через год он из-за неуспеваемости покинул стены института. Сидел у матери на шее, пока «белая смерть» не привела его на скамью подсудимых. Сел Ванька на десять лет: он не только употреблял опий и гашиш, но и распространял, на чем и попался.

В студенческие годы беспокойная, бурная жизнь общаги обошла Сергея Шилова стороной. Работая у друга в магазине, скопил приличную сумму. Этих денег ему хватило, чтобы снять квартиру на пять лет, похоронить отца, умершего от цирроза печени, и сделать ремонт в квартире матери.

Сергей удачно прошел стажировку в одной крупной коммерческой фирме. Закончив с красным дипломом институт, стал там работать: сначала младшим менеджером, постепенно дослужился до менеджера старшего звена. Если хочешь выжить в джунглях большого города, играй по его правилам. Вот Сергей и соответствовал законам общества – работал, помогал матери, развлекался с друзьями.

Имидж и статус обязывали иметь любовницу. Он ее завел. Познакомились на корпоративе. Утонченная зеленоглазая блондинка с модельной внешностью сразу приглянулась Сергею. Два месяца они встречались, потом стали жить вместе в квартире Шилова.

Со стороны Марина и Сергей выглядели идеальной парой. Оба занимали высокооплачиваемые должности (девуш-

ка работала дизайнером по интерьерам), оба делали карьеру. Оформлять отношения не спешили: еще успеется.

Но эта была не большая, взаимная любовь, а скорее привязанность друг к другу. Да и кому она сейчас нужна, эта придуманная любовь?.. Боясь, что Марина догадается о его истинном отношении, Сергей допоздна задерживался в офисе.

Сегодня был тяжелый день. Командировка, на которую мужчина претендовал, досталась другому сотруднику. Сергей надеялся получить поддержку у Марины, с которой прожил вместе полгода, но она ушла от него, не в силах больше терпеть его круглосуточную занятость на работе.

В понедельник, в шестом часу вечера, к супермаркету подъехал черный «мерседес». Водитель вышел из автомобиля и направился в магазин. Минут через пятнадцать авто менеджера коммерческой фирмы стало объектом внимания прохожих. Толпа зевак моментально разрасталась. Возле машины лежала черно-белая мертвая кошка. Как бедняжка оказалась под колесами железного коня?.. Увы, это теперь было неважно.

Серый кот, жалобно мяукая, оглядывался по сторонам. Спустя какое-то время начал месить лапками бездыханное тельце в том месте, где находилось сердечко любимой. Надежда таяла, как мороженое под теплыми лучами солнца! Кот Васька ронял слезы, несколько раз слегка ухватив кошку зубами за шею. Может быть, Маша просто крепко спит?..

Когда кот понял, что подружка мертва, свернулся клубочком, лег рядом, положив на остановившее сердечко мордочку, мокрую от слез. Больше не бегать им с Машкой наперегонки, не гонять голубей, не половить воробышков, не попить из одной миски теплого молока!

– Это надо же! Жалко беднягу! Прямо, как в песне «Лебединая верность», – проговорила тихо одна женщина.

Вернулся владелец авто. Картина, представшая перед глазами, сильно потрясла Шилова. С трудом сдерживая вдруг внезапно нахлынувшие слезы, подумал: «Как же это я? Как я мог задавить кошку?» Сел в машину и уехал.

Толпа, оставляя позади, эхо голосов, постепенно расходилась. У каждого были свои дела. Только Васька, не обращая никакого внимания на ночную жизнь города, дремал до зари на тельце Машки, пытаясь оживить ее своим горячим дыханием.

Рано утром дворник, мужчина лет пятидесяти, убирал улицу. Небрежно и безгласно поднял труп кошки и запихнул в мешок, пополнив им большой груз мусора. Васька шипел на него и даже вцепился когтями в руку, оставляя на ней глубокие царапины.

– Да пошел ты! – буркнул дворник и отшвырнул его на тротуар.

Он загрузил мусор и повез на окраину города сжигать. Васька бежал вслед за КАМАЗом что есть духу до самого места назначения. Когда тельце Машки бросили в огонь, ки-

нулся за ней.

– Ух ты, какой верный! А люди сейчас так могут ли любить? – тихо сказал дворник самому себе, почесывая затылок.

Наталья Петровна, одинокая женщина лет шестидесяти, всю жизнь проработала на заводе, во вредных условиях. Дети с внуками давно разъехались и лишь изредка навещали старушку. Женщина долго ждала своих Ваську и Машку: и молока полную миску налила, и мясо отварила, и «Вискас» насыпала...

Не дождалась и уснула на старом скрипучем диване.

Через неделю соседка принесла Натальи Петровне двух пушистых котят. Они скрасили гнетущее одиночество доброй пенсионерки.

В тот злополучный вечер Сергей вернулся в свою шикарную квартиру и впервые за все время дал волю слезам, упав на пол.

Летняя ночь разделила с ним горькие минуты одиночества.

Пятачок

Посвящается Н. Ф. Филипповой

Финансовый кризис в конце девяностых ударил по бюджету. Распад СССР еще не совсем забыли. Русские, как известно, из любой ситуации найдут выход...

Эта история произошла зимой.

Олеся рано (в восемнадцать лет) вышла замуж за Николая Крупинина – по любви. Была у девушки мечта: иметь отдельный угол. Первый шаг к мечте сделан. Осуществить второй шаг оказалось труднее. Год пришлось пожить со сварливой свекровью, прежде чем начать строить дом.

Во время стройки жизнь шла своим чередом. Когда дом наконец-то был готов, у пары родился сын. Назвали Александром. Спустя четыре года появился на свет второй сын. Нарекли Алексеем (нравилась Олеся песня «Алёша», думать долго не стали, так и называли мальчика).

В лихие 90-е сыновья выучились на водителей. Женились и поселились отдельно от родителей. Николай с Олесей, чтобы хоть как-то помочь детям, держали свиней и коров. Перед Новым годом резали поросенка.

В 1998 году зима выдалась холодной. Температура опускалась до минус тридцати. Недалеко от Пензы, в Веселовке, жила старшая сестра Олеси – Надежда. Родилась она перво-

го января, вроде как двойной праздник. Олесе было неудобно: сыновья отказывались с похмелья садиться за руль. Не хотели лишиться водительских прав, еще пригодятся.

Решила тогда Олеся сама съездить к родной сестре на Рождество.

За три дня до отъезда закололи свинью, мясо поделили между собой. Про гостинцы Наде тоже не забыли. Николай посадил жену на автобус.

Народу в салоне было немного: кому охота в мороз из дома уезжать? Олеся всю дорогу дремала. Когда стали подъезжать к Пензе, попросила остановить в Веселовке, недалеко от церкви.

Вышла Олеся из теплого автобуса на улицу – мороз такой сильный, что под пальто пробирается. По телу пробежала дрожь. Женщина невольно поежилась. Быстро зашагала вперед, проезжавшие машины освещали дорогу. Прошла мимо храма, перекрестилась. Приблизилась к спуску, здесь пришлось еще осторожнее быть. Сапоги на высоких каблучках устойчивостью не отличаются.

Фонари на столбах тускло освещали дорогу. Дом сестры стоял последним от трассы. Держа в руках тяжелые сумки с гостинцами, Олеся Крупинина думала: «Хоть бы не легли спать! Как же я через сугробы перелезть буду на каблучках?»

Когда она подошла к дому, света уже не было. «Черт, надо же! Опоздала немного». Женщина открыла калитку и подошла к окну. Постучала громко в окно. Тишина. Поставила

сумку на снег. Подумала, улыбнулась, достала из сумки свинину и прислонила к оконному стеклу.

Послышались быстрые шаги. В сенях загорелся свет.

Надежда в халате, накинутом на сорочку, в шерстяных носках и тапочках, выглянула в окно. И... увидела свиную морду с закрытыми глазами. Перекрестившись, отскочила. Перевела дух, пошла выпила воды.

Вернулась к окну. Набрал в легкие побольше воздуха, громко сказала:

– А ну, пошли отсюда! Я вам сейчас такую ночь накануне Рождества покажу! Это надо же нечистая сила как разгулялась, даже пяточок померещился!

– Надя, какая нечистая сила?.. Это же я, Олеся. Да сестра твоя, сестра в гости приехала. Открой дверь. У меня ноги замерзли!

Олеся положила в сумку свиную голову и заглянула в окно.

Надежда открыла дверь. Олеся зашла в дом, поставила сумки на пол. Села на табурет

– Олесь, как ты меня напугала! У меня даже коленки затряслись.

– Надя, прости. Хотела тебя удивить.

– Удивила... Раздевайся. Ужинать будешь?

– Нет. Только чаю попью с мороза.

Гостья прошла вперед, сняла пальто и сапоги. Надя уже поставила на плиту чайник.

– Как чувствовала, что сегодня гости будут. Пирог с по-видлом испекла.

– Пирог, Надя, у тебя хорошие.

Чайник скрипел. Хозяйка взяла фарфоровый чайник, обдала его кипятком и слила воду. Затем насыпала щепотку чая, заварила и накрыла крышкой. Положила полотенце.

Помыв руки, Олеся села за стол. Надежда наливала в небольшие кружки чай. Тонкий, едва уловимый аромат наполнял комнату.

– Ну, рассказывай: как Николай поживает?

– Да что ему сделается? Всё так же. На работу ходит, на мельницу. Выпивает иногда, но по дому мне помогает. Ты сама-то как?.. Что нового?

– Что нового... Всё без изменений. Витька мой пенсию получает по инвалидности. На мотоцикле тогда разбился, еле-еле врачи с того света вытащили. Смотрю на него и думаю: «Куда же любовь-то наша делась?» Мне же тогда все девчонки на работе завидовали. Как Лена родилась, так потихоньку выпивать начал.

– Олесь, у меня лучше, что ли? То же самое. Была у меня любовь, но я ее разрушила. Поверила сплетням. Написала ему в армию письмо: мол, нужен ты мне как собаке пятая нога. Потом Кольку в клубе повстречала. Понравился он мне, за него и вышла. Со временем полюбила вроде... по-своему.

Ночную тишину изредка нарушал храп подвыпившего зятя. Тусклая луна смотрела в окно. Так и проговорили сестры

до утра, вспоминая прошлое. Под утро легли спать.

Перед сном Олеся подумала: «А может, в этом и есть смысл жизни – принимать всё как есть?»

На следующий день сестры рассказали Вите про ночное приключение. Он не мог понять: придумали женщины, или это на самом деле случилось?..

На следующий день Виктор ушел к соседу помочь смастерить лавку в бане. Сестры в его отсутствие делились своими мечтами и надеждами. За делами и хлопотами не заметили, как полдня прошло.

Олеся стала собираться домой. Надежда подарила сестре платья, кофты и костюмы, которые стали ей малы. Собрав сумки, сестры вышли на улицу. Зимнее солнце светило в лицо. Под ногами хрустел снег.

До остановки шли молча. Каждая думала о своем. Люди могут что-то не договорить, чтобы не огорчать родных и близких.

– Олесь, я так рада, что ты нашла время приехать! Как с тобой встречусь, как будто в детство вернулась, к маме.

– Я тоже. С мужьями все равно так не поговоришь. Мужики есть мужики.

– Олесь, ну с пяточком свиным ты меня сильно напугала!

– Зато будет что вспомнить...

Вдалеке показался автобус. Сестры на прощанье обнялись. Олеся подошла ближе к краю тротуара. Автобус оста-

новился, пассажиры вышли. Гостья первая поднялась в салон.

– Счастливого пути! Передавай от нас своим привет!

– Обязательно.

Спустя пять минут переполненный автобус ехал по дороге.

Олеся думала о том, что она возвращается к мужу и сыновьям с новыми силами. Главное – это беречь здоровье и не тратить время впустую.

Наталья Белостоцкая

Инженер-авиастроитель, поэт, философ Наталия Фёдоровна Белостоцкая родилась на Севере – в Мурманске, на берегах студёного Баренцева моря, где она с отличием оканчивает школу, после чего учится в Ленинградском институте авиационного приборостроения. Защитив на «отлично» диплом авиационного инженера-механика в ЛИАПе, она трудится на Ленинградском авиационном заводе.

Писать стихи начала с 1999 года и за это время сумела подняться от уровня обычного бытового стиха до создания произведений философского содержания. Значительное место в творчестве Наталии Белостоцкой занимают мифы, легенды, притчи, сказки, басни. Является победителем многочисленных поэтических конкурсов.

Более подробно с творчеством автора можно познакомиться в интернете – <https://stihi.ru/avtor/belost> и др.

БЫТЬ или НЕ БЫТЬ

(притча)

*Поэт не только гражданин —
Источник мысли, правды сын
И врачеватель души людских,
Когда – живой и ясный стих.*

21 марта 2013 г.

По жизни юность, проявляя прыть,
Сама решает: «Быть или не быть?»
И юноша, Поэтом стать желая,
Решил, что он Пегаса оседлает,
Взлетит и доберётся до Парнаса,
Где имя обессмертит звёздным часом:
Стихи напишет и предаст огласке —
Он цель поставил: «Стать Поэтом к Пасхе!»
И рассуждал: «Жить творчеством нетрудно:
Рифмуй построчно тему, пой занудно
Толпе безмолвной, будто ты – сам Бог,
Вплетая стих в бессмертия венки...
Поэт любого ранга ждёт почёта...
С Шекспиром стану вровень или с Гёте?!
Прекрасно как! Придумывай сюжеты!
О чём писать?..» Увы, давно поэты,

До появления юноши на свет,
Воспели темы все, оставив след
В поэзии, к ней отнесясь серьёзно...
Юнец канючил: «Ох, родился поздно!
О горе мне! Но счастье было тем,
Кто раньше лет на сто родился. Тем
Хватило им, чтоб вылезти в поэты...
Сейчас уже всё спето, перепето...
О чём мне петь? Где отыскать сюжет
Для оды, если я и впрямь поэт?..»
Над этим долго голову ломал
Певец грядущих дней, и – захворал.
Болезни головы от всех сокрыты —
В них превосходство творческой элиты
Над остальной толпой. Храни их Боже...
И вряд ли доктор юноше поможет,
Скорее – знахарка. Её познания
Ни разу не снискали нареканья:
Лечила, не глядя на ранг и лица,
Травой и родниковую водицей.
Вот у кого врачам бы поучиться:
В болезнях – дока, в травах – мастерица,
Умом заткнёт за пояс «айболитов»
В стране, где чин – от всех судов защита.
Ну кто ей разрешит к большим вояжи,
Коль чина нет, как нет и экипажа?
Живёт в домишке старом за околицей,
И, собирая травы, Богу молится,
Чтоб уберёт людей и мир от бед...

Она могла бы дать юнцу совет.
Он вспомнил про неё, врачей ругая
И головную боль превозмогая:
Больного будто укусила муха —
Взбодрился и решил пойти к старухе,
Чтоб снять хворобу чаем из цветов
И разузнать: где темы для стихов?
Но главное – у знахарки спросить:
«Поэтом к Пасхе быть или не быть?»
Юнец пришёл тропинкою исхоженной
К домишке старому, что в поле брошенном.
Дом знахарки стоял ещё не шатко,
Юнец вокруг увидел тень упадка:
Канавы заросли, дуб – в паутине,
Трава у дома – будто бы щетина.
Ей полевые цветики в насмешку
С травой духмяной были вперемешку;
Крапива и прилипчивый репей
Как стражи находились у дверей.
«Заброшенность – картина наших дней,
Лишённая поэзии, идей», —
Мысль здравая в головушке больной
Прошла как счастье: тихо, стороной.
Старушка прошептала: «Запиши...
Все впечатленья – пища для души.
Не хлеб ещё, но чувств серьёзных крохи...
Твои дела, юнец, не так уж плохи.
Ты жаждешь славы?! Хочешь стать Поэтом?!»
Но как узнала знахарка об этом?

Не стал юнец головушку ломать:
«О знахарка! Совет мне дай как мать!
Наставь меня и укажи мне путь,
Чтобы в поэзии и я сумел блеснуть,
Чтоб стал певцом таким, как соловей...
Поэты ждут признанья от людей...»
«Поэт от Бога – он певец, предтеча...
О соловье не может быть и речи —
Сладкоголосый, звонкий соловей
Поёт красиво, только без идей...
О чём ты пропоёшь мне, современник,
Поэзии вассал и рифмы пленник?
Свободна мысль... Свобода для богемы...»
«О чём писать, скажи?! Где взять мне темы?!
Не вовремя родился – нет сюжетов...
Плохое время нынче для поэтов».
«Но Время не помеха вдохновенью,
Коль мысли есть, и чувства, и стремленье...
Смотри на вещи, проникай в их суть:
Коль пишешь о бамбуке – им и будь.
Корнями цепко связанный с землёй,
Что чувствует бамбук – о том и пой!
Подслушай в поле разговоры трав,
Как будто сам травую дикой став,
И будет каждый стих твой – откровеньем,
А не словами в ступке для толченья
Среди медузно-студенистых фраз...
Душа Поэта – редкостный алмаз,
Способный преломить прозрачный свет,

Где радужность таилась много лет,
И поделиться спектром чувств своих,
Создав неповторимый, умный стих
Не о себе... Себя забудь, Поэт!
Тебе принадлежит весь Божий свет.
О нём пиши: хвали, ругай, стенай,
Глубины чувств стихами передай,
Сумев поймать луч солнца, чтоб писать,
В нём – вдохновенье, Божья благодать».
И замолчала. Эта передышка
Дала юнцу работу для умишка,
И он подумал: «Значит – не сбылось?
Вдруг в творчестве жить можно на авось...»
Речь знахарка продолжила: «Дружок,
На! – вот очки и слуховой рожок,
Используй их, призвав на помощь Бога,
Увидишь и услышишь очень много,
Чего не видел раньше никогда;
Услышишь ты, о чём журчит вода...
Любое существо, любой предмет
Тебе расскажет главный свой секрет.
Легенды эти слушай, Бога ради,
А для стиха – и трёх катренов хватит».
Надев очки, рожок приставив к уху,
Юнец услышал, как общался с мухой
Ветвистый дуб, древесный долгожитель,
О жизни говоря с ней как учитель:
«За сотни лет я видел много разного...
Жизнь – это служба, а не время праздное.

Знай: делу – время, а потехе – час...
Послушай поучительный рассказ...»
Юнцу легенда показалась сном...
Теперь юнец взглянул на старый дом.
Там, возле двери, ощутив свободу,
Крапива и репей росли все годы.
Крапива – недотрога, а репей,
Как малое дитя, искал друзей:
Он в платье или в брюки мог вцепиться,
Желая с кем угодно подружиться.
Крапиве всё равно, и заговаривала
Репей дразнила «жутким прилипалом»,
Ему твердила: «...видеть не могу!
Дотронешься – я больно обожгу!»
Юнец подумал: «Жизнь вокруг забавная...
Когда же знахарка мне скажет главное?»
Для знахарки людские мысли – строки,
Которые читала третьим оком.
«Вот насыпь. Посмотри, дружок, направо,
Где мхом зелёным заросла канава.
Ступай туда и встань – смотри вперёд:
Вдали канава спутницу найдёт —
Дорогу в город, где шумит народ...
Прислушайся...» «Ну, кто их разберёт?
Болтают все... У каждого – история».
«Пиши стихи про них!» «Им должен вторить я?!
Ох, не привык, я упаду сейчас...»
«А как же стих? А как же звёздный час?
Иди в народ, вперёд навстречу жизни

И стань пророком для своей Отчизны.
Неси свой крест как символ тяжких мук,
Других сердец услышав боль и стук
Пронзительный, как выстрелы в висок...
Поэт, увы, несчастен, одинок —
Отвергнут поэтической “тусовкой”,
Где каждый о себе рифмует ловко,
И мнит с восторгом: “Я уж точно Гений!”
Им чувств не надо, как и откровений.
Но лишь Поэт от Бога – рыцарь Духа!
Даны и третий глаз, и третье ухо
Ему Всевышним, чтобы жизнь воспеть,
И, за людей страдая, умереть...
Ступай в народ, пиши стихи, дружок...
Верни очки и слуховой рожок».
Юнец исполнил просьбу – всё отдал,
И удивлённо знахарке сказал:
«Ты – лучшая из сотен лекарей.
Всё прояснилось в голове моей,
Но без рожка и сказочных очков
Не нахожу я темы для стихов:
Не слышу и не вижу я опять!»
«Поэтом, юный друг, тебе не стать
Ни к Пасхе, и ни к Троице Святой
Не сочинишь стиха, Господь с тобой...
Не проводник ты Гласа во Вселенной...
Поэзия – мир чувственный, блаженный...»
«Кем стать тогда, скажи, пророчица?!
Когда лишь творчеством жить хочется...»

«О, это можно и без лишних слов!
Есть творческая жизнь среди стихов,
Где будут и признание, и деньги:
Ты колоти Поэтов хорошенько,
Их критикуя. Только не робей,
А знай себе Поэтов бей и бей
(От этой речи юноша притих),
Лупи почём попало смелый стих...
Поэт и стих – едины, знай про это...
Бьёшь по стиху, а больно и поэту.
Но не стесняйся – бей наотмашь стих:
Сначала – в сердце, а затем – “под дых”...
Не раз Поэтов доведёшь до слёз
В среде творцов ты, критик-виртуоз!
К тебе пойдут Поэты с подношением,
Боясь хулы, боясь плохого мнения...»
«Вот, я дождался нужного совета!
И мало не покажется Поэтам!..»

Колотит он Поэтов, видит Бог,
За то, что сам поэтом стать не смог.

19 марта 2008 г.

Кристина Ботнари

Создаёт в своих стихах приятные зрительные образы, унося читателя в волшебный мир грёз и добра.

Родилась Кристина в Кишинёве (Молдавия), в семье дирижёра и балерины. Выросла среди музыкантов, артистов балета, композиторов и поэтов. В Кишинёве окончила музыкальный лицей им. Рахманинова по классу скрипки, затем продолжила обучение в Москве и Вашингтоне.

У Кристины два высших образования: первое получила как скрипачка, окончив Московскую государственную консерваторию (училась у знаменитых профессоров Григория Фейгина и Эдуарда Грача), работала в Московской филармонии; по второму же является менеджером по управлению искусством в Американском университете (Вашингтон, округ Колумбия). Работала музыкантом, педагогом и/или руководителем в различных оркестрах и благотворительных организациях.

Имеет обширный опыт во всех аспектах классической музыки: исполнительское искусство, создание проектов и управление ими, производство аудио- и видеопродукции, маркетинг, распространение...

В настоящее время является одним из директоров-основателей благотворительного фонда и исполнительным продюсером лейбла звукозаписи классической музыки, членом консультативного совета директоров Академии балета L'Étoile, а также состоит в жюри различных конкурсов.

Стихи автор начала писать после посещения Зала муз в

Ватикане. Она обратилась к музе с лирой за вдохновением музыкальным, но в этот же день начала писать стихи. Как оказалось, муза с лирой – это Евтерпа, муза не только музыки, но и лирической поэзии.

Замужем, у них с супругом двое прекрасных сыновей.

Является лауреатом, дипломантом и стипендиатом многочисленных музыкальных премий.

Волшебный лес

Пойду я в свой волшебный лес,
К удаче в гости я зайду,
Там, среди листьев и чудес,
Я отыщу свою звезду.

Она заварит чай с листвой,
Успех мы к чаю позовём,
Придёт секретной он тропой,
И посидим мы с ним втроём.

А на десерт – немного счастья
И сказки капельку в бокал.
Любовь развеет все ненастья,
Чтобы никто нам не мешал.

И озеро зеркальное
Поймёт, исполнит всё,
Здоровье идеальное
Нам осень принесёт.

Мне очень дорог этот лес,
Ведь мы тут вместе со Вселенной,
Злым силам всем наперевес
Решаем мирно все проблемы.

Таррагона

Старинный городок Иберии,
Ты мой зов крови оживил,
Увлёк историей Империи,
Меня собой заморозил.

Тут и сосновый заповедник,
И замки в рощах апельсин,
И амфитеатр, времён наследник,
Застыл средь греческих руин.

А золотое побережье
Приятным бризом освежает,
И ветерок в кафе прибрежных
Гостей всех радостно встречает.

Вернусь ещё я в Таррагону,
Моя любовь к ней не зачахнет,
Тут самый лучший вид с балкона¹,
Тут Римский дух, тут Римом пахнет.

¹ Знаменитый Средиземноморский балкон.

Мой Мир

Свой мир сама я разукрашу,
Наполню ароматом грёз,
Укрою нежностью ромашек,
Осыплю лепестками роз.

Твой мир я тоже разукрашу
И поделюсь с тобой мечтой,
Проникну в сердце до мурашек,
Мой мир – волшебный и простой.

Я расскажу тебе про звёзды
И запах скошенной травы,
Вдохнёшь со мной парижский воздух
И влажность питерской Невы.

Пройдёшь по сказочному лесу,
Построишь снежный дом в горах,
Я научу психогенезу
И посмеюсь с тобой – в стихах!

Пока я в облаках летаю,
С драконами договарюсь,
Я их давно уже всех знаю,
Чуть полетаю и вернусь.

К тебе приду во сне под утро,
Открою в сердце дверь ключом
И очень нежно, мягко, мудро
Дотронусь солнечным лучом.

Свобода духа

Когда свободу духа обретаешь,
Когда не принимаешь ты обид,
Тогда над миром этим ты взлетаешь, —
Не беспокоит, кто что говорит.

Верь в цель свою наперекор вселенной,
Умей мечтать, любить, владеть собой.
Даруй покой своей душе смятенной,
Учись красиво управлять судьбой.

Не завидуй...

Мне удивительно, что люди эти есть, —
Которые живут чужой судьбой
И прожигают жизнь на зависть, месть.
Не лучше заниматься ли собой?..

Ведь, сделав подлость, всё к тебе вернётся,
Вернётся всё как минимум вдвойне.
А тот, кого подставил, спотыкнётся...
Поднимется – и снова на коне.

Виноградная лоза

В тени под виноградною лозой,
Где солнца кружевная тень,
Я ощущаю сладостный покой,
И разливается по телу лень.

Мы гроздья, обвивавшие весь дом,
По осени с друзьями собирали
И сладким молодым вином
Хрустальные бокалы наполняли.

И солнышко из виноградной гронки²
Вольётся в тело, душу обогреет,
И позабудем мы о жизни гонке,
И негa существо всё одолеет.

² Гронка (бел.) – гроздь, кисть.

Маме

Сегодня, в этот день весенний,
Пусть солнце светит всем, как летом!
У нашей мамы – день рождения!
Ведь наша мама – лучик света.

Болезни пусть тебя обходят
И бережёт Господь тебя,
Пусть счастье в дом к тебе приходит,
Любимой будь, живи любя.

В семье ты нашей – всем оплот,
И не считай свои года,
И пусть душа твоя поёт,
Пусть будет там весна всегда!

Желаем многих долгих лет,
Ты очень-очень нам нужна!
Такой другой на свете нет,
Ведь, мама, ты у нас одна!

Живёшь в моей ты голове,
Сама с собой в любовь играю,
И поделилась жизнь на две —
Я ведь тебя совсем не знаю.

Николь

С первым годиком, малышка!
Счастья, радости и ласки,
Куклы, платья, туфли, книжки —
Чтоб жила Николь как в сказке.

Чтоб мужчины все любили,
Никогда не обижали,
Папа с мамой рядом были,
Целовали, обожали.

Чтобы солнышко светило
Каждый раз, когда хохочешь,
Чтобы у тебя всё было
Так, как ты того захочешь!

Сыну

Нет роднее в мире человечка,
Что сопит, калачиком свернувшись.
Спи, роднуля, спи, моё сердечко,
В сказку сна тихонько окунувшись.

Любим мы тебя сильнее жизни,
Ты, сынуля, – наша кровь и плоть,
Пусть твой будет путь безукоризнен.
Береги его, пожалуйста, Господь!

Женщина

Меня не надо понимать —
Сама себя не понимаю.
Любить, лелеять, обожать...
В ответ люблю и уважаю.

Ты говоришь: «Характер с перцем».
Фантазиями я болею.
Живу я не умом, а сердцем,
Я по-другому не умею.

«Богатое у нас воображение...»

Богатое у нас воображение,
Придумываем вечно всякий бред
И ищем точки соприкосновения
В том месте, где их не было и нет.

Встреча с агентом высших сил

Бывают встречи – помнишь много лет,
Ведь западают плотно в подсознание.
Я помню даже глаз тех тёмных цвет,
Когда сказал он: «Берегись желаний».

Он появился просто ниоткуда,
Помог и удалился в никуда.
Я точно знаю: было то не чудо.
И почему исчез он навсегда?

И почему запомнила момент,
Слова, улыбку, предостережение?..
А может, это высших сил агент
Высказывал своё мне уважение?..

Неведома нам сила провидения,
Бывает в жизни резкий поворот.
Вы думаете – это совпадения?
Я думаю: не дремлет кукловод.

Весна

Сверкает солнышко в росинках,
Весна покрыла всё цветами.
Усыпаны вокруг тропинки
Черешни дикой лепестками.

Пусть всех людей весна согреет:
Друзей... да и врагов пусть тоже,
И, может, станут все добрее,
Ведь злость копить – себе дороже.

Март 2012 г.

Стихи с юмором

В подсолнухи хотела я,
Красивые поля.
Была рубашка белая,
Теперь в пыли все, #ля!..

Стою сейчас в подсолнухах...
Вся в пчёлах и жуках.
Счастливая, высокая,
Ведь я на каблуках!

Не лазайте в подсолнухи —
Там пчёлы и жуки,
И грязи по колено там,
И тонут каблуки.

Июль 2013 г.

Блондинки

Мы натуральные блондинки от природы,
Нам сочиняют песни и стихи.
Наш цвет волос – в нём капелька свободы,
Нас любят и прощают нам грехи.

И анекдот прочесть нам не обидно,
Мужчины улыбаются нам вслед,
И в темноте нас тоже лучше видно.
Короче, недостатков у нас нет:)

2012 г.

Брюнеткам

А брюнетки на блондинок вовсе не похожи:
Умные, серьёзные и чуть-чуть кокетки,
Жгучие, и страстные, и со смуглой кожей,
И во всём прекрасные женщины-брюнетки.

Я уже не помню, как же быть брюнеткой,
Не могу серьёзно я на жизнь смотреть,
С логикой дружу я как-то очень редко,
Стать могу брюнеткой, стоит захотеть.

Мартовская кошка

Стихи пишу я понемножку,
Хочу – всерьёз, хочу – шучу,
Ведь я же мартовская кошка,
Живу я так, как я хочу.

Приятно, если принимают,
А если нет, то мне обидно,
Непонимание терзает,
Но слёз моих другим не видно.

Я котик сильный, всё стерплю
И упаду на все четыре,
Кого хочу, того люблю,
И не дождётесь харакири:)

Гороскоп

Почитала Рыба-Кот
Гороскоп на этот год,
И фантазии полёт
Спать теперь мне не даёт.

Не читайте гороскопы,
В них нам правды не найти.
А когда и шило в **пе
То вообще с ума сойти:)

Пятница (Июнь 2012 г.)

«Ну вот и пятница опять...»

Ну вот и пятница опять.
Друзья, ура! Сегодня лето!
А завтра можно и поспать,
Люблю я очень дело это.

«Пятница, лето, друзья, шашлыки...»

Пятница, лето, друзья, шашлыки,
Фрукты, вино и под звёздами песни.
Пятница, лето – куда уж чудесней?

Мне всё ещё за тридцать

Мне всё ещё за тридцать,
Сегодня день рожденья у меня.
И пусть несётся жизни колесница,
Всех, кто мне близок, бережно храня.

Перелистну ещё одну страницу,
Исчезнет пусть проблем круговорот.
Я всем вопросам разрешаю разрешиться,
И пусть весь мир сегодня подождёт.

«Март, двадцать первое число....»

Март, двадцать первое число.
Родился Мусоргский и Бах.
И папа празднует его —
Такой у Ботнаря размах.

Сегодня ночь и день равны,
Не знаю, кто что говорит.
Законы физики сильны?..
Поставь метёлку – ведь стоит!³

И чёрт, и Бог наперебой
Хотят с тобою подружиться,
Но не торгуешь ты душой
И с ними смог договориться:)

Пусть притяжение к тебе
Притянет блага все земные,
Пусть будет гладко всё в судьбе,
Здоровы будут все родные.

21 марта 2013 г.

³ 21 марта – день весеннего равноденствия, притяжение Земли меняется, и если поставить метлу, то она будет стоять... Мы пробовали:)

«Наполнен зал цветами – полные корзины...»

Наполнен зал цветами – полные корзины,
И «Тихо, запись» вновь пульсирует фонарь.
На сцене снова настоящие мужчины,
Красавцы в бабочках и дирижёр Ботнарй.

Концертов будет ещё сыграно немало,
Мы верим мастерству талантливых парней.
Играют вместе, а не кто куда попало,
На свете ведь не так уж много Ботнарей.

В день равноденствия у папы день рожденья.
Ударник – на руку, и вовремя ударь!
Звучат же здорово, и в этом нет сомнения,
Великолепные оркестры и Ботнарй;)

21 марта 2014 г.

Наедине с собой

Наедине с собой мы остаёмся
И в поисках смысла мечемся.
Тоскливо, а мы смеёмся,
Ведь смехом, друзья, мы лечимся.

«Но ведь когда вселился бес...»

Но ведь когда вселился бес,
Готов ты с головою в омут окунуться,
И очень сложно вовремя очнуться,
Ты о любви запретной не мечтай.

«Как хорошо на свете жить, когда душа поёт...»

Как хорошо на свете жить, когда душа поёт.
Откройте сердце для любви, тогда она придёт.
Придёт внезапно для двоих и, может, обожжёт.
Но лучше так, чем не любить, – тот, кто любил, поймёт.

Новогодние стихи

Чем всё же пахнет Новый год?
Пихтой с мандаринами.
И что же он нам принесёт?
Снежинки с балеринами.

Щелкунчик лёг под ёлку спать,
Ведь там же все игрушки.
А рядом с ним – солдат вся рать,
Чтоб охранять хлопушки.

На ёлке – множество огней,
Шары и украшенья,
Она ведь в свете фонарей
Достойна восхищенья.

И в Новый год у всех детей
Пусть будет радость, пляски,
И чтоб у всех моих друзей
Судьба была как в сказке!:)

Facebook

Вы думаете, что Facebook —
Так, сеть для развлечения?
Мы заболели все вокруг,
И нет пока лечения.
Вы думаете: «Дребедень», —
И мне не доверяете?
А сколько раз, друзья, вы в день
Страничку проверяете?
Зависимость признать пора,
Ведь общество подсело.
Весёлая была игра,
Но время улетело...

Я космополит

Пишу стихи по-русски я,
Хотя живу в US.
Таким вот образом, друзья,
Снимаю с себя стресс.

Родной ли русский для меня?
Скорее всего, нет...
Ведь родилась в Молдове я.
Ну вот вам и ответ...

Одна другой страны родней,
Вот я – космополит.
За страны все, как за детей,
Душа теперь болит.

Музам

Три грации, три греческие музы,
Заколдовали вы меня,
Связали нас невидимые узы
И в жизнь добавили огня.

И кровь кипит, аж набухают жилы,
И страсть одолевает вновь.
О Господи, дай мне побольше силы
На творчество, на деток, на любовь!

Открытие Большого театра

На сцену входит гастарбайская дружина,
Застыла публика, и замерло всё в нём.
В Большом играют настоящие мужчины,
Трус не играет в Большом!:)

Секрет рождения стихов

Когда рождаются стихи?
Особого секрета нет...
Когда молюсь я за грехи,
Когда готовлю я обед.

Они рождаются всегда,
Они рождаются везде,
Они рождаются тогда,
Когда тоскливо вдруг «звезде»⁴.

Зачем? Кому? И почему
Старается Кристинка?
Наверное, всё потому,
Что я теперь блондинка?;)

⁴ Супруг подарил звезду, назвал её моим именем, теперь я звезда.

Наши дети

Сынуля старший – Пётр первый,
Он очень солнцем хочет быть
И хоть и треплет маме нервы,
Его нельзя не полюбить.

Зачат он в Петербурге нами —
Красивый город у реки,
И не бывает там цунами,
Зато живут там кулики.

А Александр, наш второй,
В Александрии был зачат.
Он добрый, сладенький такой,
Серьёзной музыки фанат.

Петруша Сашку уважает,
Растут ведь вместе день за днём,
Но и побить не забывает,
Чтоб помнил, кто здесь «за рулём».

«Зачем нам нужен весь «аврал»?..»

Зачем нам нужен весь «аврал»?
Карьера, дом, дела, клиенты...
Ведь дети – это капитал,
А внуки – наши дивиденды:)
Хочу быть бабушкой, друзья.
Придёт такое время, знаю,
Но не готова пока я,
Ещё немного полетаю.

Летний дом

У лукоморья дом кирпичный,
Терраса тоже в доме том.
Красивый вид там, непривычный,
И все мы любим этот дом.

Там истребители летают,
И в море ловим мы угрей,
И целый год все ожидают
Там с нетерпением Ботнарей.

Стоит там яхта на причале,
«Тереза» яхту ту зовут.
Чтоб нашу яхту не украли,
Её жандармы берегут.

Ребята яхту утопили,
Помог им выгашить Мурат,
Чтоб любоваться не забыли
Мы вечерами на закат.

Растут там в море мухоморы,
Терезой тоже их зовут.
А на базаре – помидоры,
Но даром их нам не дают.

Там над столом висит фонарик,
И наливают там вино,
А за столом сидит Ботнари,
И им же сделано оно.

Там булки нам с утра приносит
Наш друг, симичник⁵ Абдулла,
Красиво очень произносит
Он по-турецки: «Как дела?»

Люблю сидеть на той террасе
И сказки вечно сочинять.
Поеду скоро восвояси
И буду диски выпускать.

⁵ От "simit" – названия выпечки (калачи, булки) в Турции.

Запах осени в горах

Нас осень пригласила в горы,
Залила красками все склоны.
Куда ни кинем наши взоры —
Всё жёлто, красно и зелёно.

В камине – радостный костёр,
И осень очень постаралась:
В лесу нам выткала ковёр,
Весь день ковром я восхищалась.

А под балконом – бурундук
Орехом завтракает утром,
И рядом бегают барсук
По старым скалам с перламутром.

И в горном озере – форель,
Среди камней растут дубы.
Совсем другая параллель
Вдруг вырастает, как грибы.

И освещает всё луна
Своим волшебным нежным светом,
Ведь дружит с осенью она,
Как, впрочем, и с весной, и с летом.

Так всё же чем же пахнет осень?
Камином, яблоком, листвой.
И тихий зимний запах сосен,
И рядом – человек родной...

Ноябрь 2017 г.

«Вот снова осень наступает...»

Вот снова осень наступает,
И день загружен до отказа,
Но всё ж тоска обуревает.
До вас дошла эта зараза?

Хочу я солнца и покоя,
Чтоб утром ласково будило,
Чтоб было рядышком со мною,
Чтоб улыбалось и светило.

Стоят деревья в золотом...
Я с грустью улыбнулась,
Осенним ветром и дождём
К тебе я прикоснулась.

19 октября 2012 г.

Осень

Наступила осень,
Стали дни короче.
Очень спать охота.
Всем спокойной ночи!:)

«Земля опять теплом согрета...»

Земля опять теплом согрета,
И в поле трудится пчела.
Сентябрь, осень, бабье лето...
Вот, сочинила что смогла;)

«Шум дождя, и белая ромашка...»

Шум дождя, и белая ромашка
Распахнула сердце нараспашку.
Небо землю ливнем так полило,
На ромашке погадать забыла.

«Пусть этот тихий шум прибоя...»

Пусть этот тихий шум прибоя
И нежно-розовый закат
Расслабят вас и успокоят,
И связь с природой воскресят.
Красивый город королей,
Уютный, тихий и зелёный,
Среди лесов, озёр, полей
Профессионально водружённый.

Ханох Дашевский

Поэт, переводчик, писатель и публицист. Член Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ), Международного Союза писателей Иерусалима, Международной Гильдии писателей (Германия), Интернационального Союза писателей (Москва), Союза писателей XXI века (Москва), Литературного объединения «Столица» (Иерусалим).

Родился в Риге. Учился в Латвийском университете. Участвовал в еврейском национальном движении, являлся одним из руководителей нелегального литературно-художественного семинара «Рижские чтения по иудаике».

Живёт в Израиле с 1988 года. Автор шести книг поэтических переводов, а также романов «Сертификат» и «Долина костей», вошедших в дилогию «Дыхание жизни». Лауреат премии СРПИ им. Давида Самойлова, лауреат премии «Русское литературное слово», номинант на премию Российской Гильдии мастеров перевода.

Отрывок из романа «Рог Мессии»

24 мая 1942 года части измученной и обессиленной 2-й Ударной армии под командованием недавно назначенного командармом генерала Власова оставили, согласно полученному с огромным опозданием приказу, занимаемые позиции и начали движение обратно к Волхову, пытаясь сдержать наступающего на фланги врага. Прорыв был возможен только через узкий, шириной в полтора километра коридор. Вместе со всеми двигался и дивизионный медсанбат, где комиссаром был Михаэль. Сама дивизия существовала номинально. Оставшихся в строю, оголодавших и отощавших, еле-еле хватало на полк. И то, что происходило в медсанбате, отражало общую удручающую картину.

Вместо врача теперь была недоучившаяся всего лишь несколько месяцев до фельдшера санинструктор Маша. Ей помогали Михаэль и Клава. Санитарками стали местные жительницы, а санитарями – колхозники из окрестных деревень, где и так уже никого не оставалось, так как население уходило вместе с армией. Косые взгляды одного из санитаров Михаэль ловил на себе давно, но не придавал этому значения. Мало ли что! Кончилось тем, что санитар подошёл к Михаэлю.

– А ты, паренёк, откуда будешь? – спросил он недобрым голосом. Комиссар полка сдержал слово, и Клава собствен-

норучно прикрепил по два эмалированных красных квадрата к петлицам Михаэля. Он стал младшим политруком, но санитар, уже пожилой, проигнорировал и это, и то, что Михаэль – комиссар медсанбата.

– Из Латвии, из Риги, – ответил удивлённый Михаэль и не успел закончить фразу, как мужик набросился на него, стараясь схватить за горло:

– Гад! Латыш! Комиссаром прикинулся?! Удавлю тебя, как змею, зараза! Придушу!

Ничего не понимающий Михаэль пытался отбиться, но нападавший, несмотря на голод, был гораздо сильнее. Его пальцы уже рвали воротник гимнастёрки с новыми эмблемами и внезапно обмякли. Какие-то люди – Михаэль так и не понял, кто, – оттащили взбесившегося санитаря. Подбежала Клава.

– Ты что делаешь, ирод?! – закричала она. – Под суд пойдёшь! Под расстрел!..

– Гражданский я, – только и сказал, постепенно приходя в себя, санитар – бородатый, жилистый дядька.

– Ну и что? За нападение на политрука знаешь, что тебя ждёт?!

– А и хрен с ним, – зло и в то же время с горечью ответил тот, – из-за бандитов этих, латышей, терять мне всё равно нечего. Дом сожгли и ни одной души в живых не оставили. А этот, – с ненавистью посмотрел он на Михаэля, – латыш...

– Да не латыш он вовсе, – вмешалась подошедшая Маша,

устало вытирая какой-то ветошью руки. – А ну-ка, успокойся, дядя! Не то живо отправишься куда надо. Давай, говори по порядку!

Маше трудно было не подчиниться. Высокая, крупная, она своим командирским голосом умела заставить не только парней, но и матёрых мужиков уважать себя и слушаться.

Оказалось, что семью новгородца убили каратели, эсэсовцы-латыши, а сам он уцелел чудом. Перед самым их появлением в другую деревню поехал, к куму.

– Мне потом уже люди сказали. Они в Жестяной Горке жили, а когда всё началось, так на заимку, в лес перебрались. А в Жестяную Горку изо всей, почитай, округи свозили, там и расстреливали. Думали – немцы, а немцев тех только два начальника и было, а стреляли латыши. Наши-то, деревенские, сначала не поняли, только слышат – не германцы это, по-другому говорят. А по-какому? Ну и один мужик, он латышей по гражданской знал, догадался: латыши. Вот так и моих из дома взяли, и туда же, на снег. Говорят, патроны жалели. Или штыком заколют, а ежели дитё – лопатой по голове, – с трудом сдерживая готовый вырваться плач, рассказывал санитар.

– Что-то уж чересчур страшно, – недоверчиво произнесла Маша. – Лопатой, детей... Да за что? Они-то что сделали?

– А мы разве думали, что нас тронут?.. Поначалу только евреев малость, которых в наших краях отыскивали, да цыган, да ещё коммунистов расстреливали. А потом пошло...

И партизан, и пленных, и таких вот, как мои, ни к чему не причастных, а только из-за сына моего, который на фронте... – всхлипнул рассказчик. – Эх, да что там!.. Говорили, даже дьякона с попом прямо в церкви пристрелили. Вроде как они партизанам помогали. И всё эти самые, латыши, – взглянул он на Михаэля, словно ожидая его реакции, – волки лютые...

– Ну не все же, – сказал Михаэль. После того, как его чуть не задушили, он с трудом говорил. – Я вот с латышами вместе под Таллином был. И под Москвой. Недалеко от нас, под Старой Руссой, целая дивизия воюет.

– Насчёт этих не знаю, – угрюмо и по-прежнему зло процедил мужик, – а что те творили, люди сами видели. Они врать не будут. Воюют, говоришь?.. Ну да! А Настасья моя?! А сноха?! А внучата?! Они где?! Сынок единственный у меня остался. С войны вернётся – что я ему скажу?..

Михаэль не знал, что ответить. У старика горе, но онто здесь при чём? Михаэль готовился объяснить, что он не латыш, что таких, как он, убивают первыми, но вмешалась Клава.

– Ты, отец, разберись сначала, потом кулаками действуй. Что ты к комиссару с латышами прицепился? Он за них не отвечает. Он хоть из Латвии, но еврей. Всю его семью фашисты в заключении держат.

– Евре-е-й? – с плохо скрытым сомнением протянул санитар. – Ну, тогда извиняйте, ежели другое подумал. Ведь

это как?.. Чуть вздремнёшь, тут же кошмары мерещатся. Сил уже нет... А вы того – не говорите никому, ребята, ладно? Ошибся я...

Казалось, инцидент был исчерпан, но вечером, проходя мимо палатки, в которой ютились санитары, Михаэль услышал негромкий разговор:

– Слышь, Николай, а мальчишка этот, политрук... еврейчик, оказывается. А я за латыша его принял. Вот нескладуха. Самому теперь стыдно. Поговорю с ним завтра душевно, по-доброму.

– Вот-вот, поговори, – отвечал невидимый Николай, – извинения попроси у жидёнка, а то придут за тобой – ахнуть не успеешь. Ничего, что мы в дерьме, – особисты не дремлют. А молокосос этот, комиссаром назначенный, устроился – мама не горюй! Медсестричка эта, Клава, – краля его. А ты и не догадывался. Ихняя нация...

– Ну чего ты, Коля, заладил? При чём тут нация? Хочешь знать, там, у Жестяной Горки, и евреев убивали. С моими вместе закопаны. Это как?..

– Давай, пусти слезу! Простота новгородская! Не знаешь ты их, а я повидал. Ладно, пойду. Спасибо за горячее. Подзаправился.

«Спиртом поделился, – подумал Михаэль о санитаре, – а где достал? Ведь каждая капля на учёте...»

Тот, которого звали Николаем, вышел из палатки, и Михаэль узнал сержанта, которого не раз уже видел в медсанба-

те. По-видимому, сержант ухлёстывал за какой-то молодой санитаркой и на этой почве познакомился со своим собеседником. «Не пущу его больше сюда, – решил Михаэль. – Сразу надо было выставить».

Приняв решение, он пошёл дальше. Его ждала Клава, но неприятный осадок, оставшийся после слов Николая, давил словно камень и напоминал, что не все тут свои. «Нет, – убеждал себя Михаэль, – большинство не такие».

А какие?.. Такие, как Клава?.. Как Бобровников, как непростой в своём отношении к евреям, но спасший ему жизнь и опекающий его теперь Игнатъев?.. Или такие, как Маша, как желтолицый больной комиссар Шевцов, убитый несколько дней тому назад, как многие из тех, с кем сегодня приходится жить, а завтра с большой долей вероятности – умирать?..

Клава! Решив всё выяснить и заговорив о Бобровникове, Михаэль был уверен, что Клава почувствует себя неуютно, – и просчитался. Неуютно почувствовал себя он. Клава не оправдывалась. Она вообще ничего не ответила, но посмотрела с такой укоризной, что затеявший разговор Михаэль тут же пожалел об этом.

Помолчав немного, Клава сказала:

– Мы с ним в медсанбате познакомились. В январе его ранило, так он два дня подряд бредил. Ирину звал, невесту свою. Меня за неё принимал. Потом на поправку пошёл. Дурачок, ты не знаешь какой Саша человек. Всё Ира да Ира,

только про неё и рассказывал. А я ему – про тебя. И знаешь, он так за меня обрадовался, когда ты объявился. Сказал, что это настоящее чудо. Саша – друг! Только бы он выжил и со своей Ириной встретился...

Клава не лукавила, и Михаэль это чувствовал. С запозданием он понял, что лукавить она не умеет. «Но ведь с кем-то же у неё было, – вертелась мысль. – Если не с Бобровниковым, то с кем? Ладно, надо идти до конца. Спрошу у неё, сейчас же спрошу».

Но Клава словно прочитала его мысли.

– Не соврала я тебе тогда, в поезде, – сказала она после паузы. – Был у меня жених на фронте под Ленинградом. Там и погиб. Только не в эту войну, а в финскую, на Карельском перешейке. Он с отцом моим и братьями в одном цеху работал и меня заприметил. Мне тогда семнадцать было. Решили через год свадьбу играть, только... – помедлила Клава, – не дождались мы этой свадьбы. Любил он меня очень. А потом на войну его забрали. И всё... Долго я тогда плакала. Уж и новая война началась, а я как вспомню – так нахлынет. Пока вот тебя не встретила. Не хотела тебе говорить, молчала, да ведь не скроешь... Сердишься на меня?

Михаэля одолевала ревность. Напрасно он пытался убедить себя, что этот неизвестный ему соперник погиб и никогда не встанет между ним и Клавой. То, что он чувствовал, было сильнее его. Надо было что-то ответить, и он пробормотал:

– Да нет, что ты...

И попытался улыбнуться, только вышло плохо, и Клава всё поняла, но, как видно, не ждала другой реакции. Прижавшись к Михаэлю, она сказала:

– Ну что ты, Мишенька, дуешься? Я ведь тебя люблю, а Серёжи... того давно уже на свете нет. Знаешь что? Давай помечтаем. Вот заканчивается война, и приезжаем мы ко мне в Вологду...

Вологда! Об этом Михаэль не думал. Он вообще не думал о том, как сложится у него с Клавой. Здесь, на войне, где умереть можно в любой момент, – до этого ли сейчас?.. Так мало шансов остаться в живых, а Клава, оказывается, будущую жизнь планирует. Только найдётся ли ему в этой жизни место? Ему, еврею из Латвии, в исконно русском окружении? Примут ли его? А Палестина? Так и останется фантазией? Ведь Клава, даже если они чудом доживут до конца войны, ни на какую Палестину не согласится.

– Почему обязательно в Вологду? – Михаэль произнёс это только для того, чтобы не молчать. – Можно и ко мне, в Ригу.

– В Ригу? – переспросила Клава. – Не-е, Миша. Там, у вас, непривычно мне будет. И латыши... Вон, мужик про них рассказывал, который тебя чуть не задушил. А если таких, как эти каратели, много?..

Очередной налёт помешал ответить. Они едва успели запрыгнуть в наспех вырытую щель. Михаэль ожидал, что Клава вернётся к разговору, но этого не произошло. Зато в те

недолгие минуты, когда они могли уединиться, Клава, поху-
девшая и не менее голодная, чем Михаэль, отдавалась ему
так, словно это было в последний раз. Не то хотела убедить
Михаэля в своей любви, не то что-то предчувствовала.

И вот теперь, когда они, пытаясь выйти из окружения и
сдерживая наседающих гитлеровцев, заняли оборону у Фи-
нёва Луга, вероятность уцелеть становилась всё меньше и
меньше.

А вскоре Михаэль и Клава расстались. Неожиданно по-
явившийся в медсанбате Игнатъев коротко заявил Михаэлю:

– Некогда церемонию разводить. Забираю тебя обратно в
полк. С комиссаром дивизии согласовано. А мне комроты
нужен.

– Но я...

– Ну что «ты»? Что?.. В свой бывший батальон пойдёшь.
Там командир теперь другой.

Михаэль хотел сказать, что он не Бобровников, которого
муштровали в училище, что не сможет он ротой командо-
вать, но понял, что возражения неуместны. И обстановка не
та, и комполка уже всё решил.

Но тяжелее всего было прощание с Клавой. Михаэль обе-
щал навещать в медсанбат, Клава говорила, что будет
ждать, но оба не знали, доживут ли они до завтра. Солнце
больше не всходило, кругом была ночь, и только слабый про-
свет надежды ещё виднелся где-то на горизонте.

Михаэль оказался у Мясного Бора в тот момент, когда в горловине удалось ненадолго пробить предельно узкий, всего 300 метров, проход. Но пропускали через него только ходячих раненых и тех, у кого была крайняя степень дистрофии. Остальные, несмотря на всю безнадёжность ситуации, накапливались в насквозь простреливаемом пространстве, превращаясь в живые мишени.

На глазах у Михаэля то и дело кого-то убивало или ранило. Вскоре проход был снова перекрыт, и попытки восстановить положение, превратившиеся в тяжелейшие бои, не имели успеха. Михаэль видел только одно: непрерывное, наглое торжество побеждающей смерти, и не мог понять, почему 100-тысячная армия, призванная освободить Ленинград от блокады, превратилась в истощённую, оборванную толпу, а речка под названием Полнеть забита трупами так, что по ним можно перейти на другой берег, как по понтонам. Вокруг стоял тяжёлый, сводивший с ума запах.

На прорыв остаток 2-й Ударной армии пошёл 24 июня, и это была последняя попытка, последнее содрогание. А когда неудача стала очевидной, поступил и последний приказ: выбираться малыми группами или в одиночку.

Михаэль верил, что встретит Клаву, но вместо этого мимо него, поддерживая раненого Лазаря Борисовича, прошёл Николай Дмитриевич – батальонный комиссар, редактор газеты

«Отвага» и кто-то ещё из редакции. Михаэля они не узнали, зато старший политрук Залилов – Муса Джалиль, возглавлявший группу бойцов, – ободряюще кивнул и даже попробовал улыбнуться. Улыбнулся и Михаэль, но получилась не улыбка, а гримаса.

Улыбаться он не мог. На его глазах несколько оставшихся у погибающей армии танков пытались проложить себе дорогу и ворошили устилавшие путь мёртвые тела, превращая их в летящую из-под гусениц кровавую массу.

Михаэль шёл вместе с майором Игнатьевым, к которому присоединилось ещё несколько человек. Не существовало ни рот, ни полков, ни дивизий, и каждый был предоставлен самому себе. Их обстреливали со всех сторон, каждый шаг мог стать последним, но Михаэль продолжал думать о Клаве. Покинув медсанбат, он ни разу не выбрался к ней, ни на минуту не мог оставить роту, и теперь, когда всё смешалось, окончательно её потерял.

Заметив, что спутники смотрят в сторону, он тоже повернул голову. Там лежал труп. Трупов было много вокруг, но этот выделялся, и, присмотревшись, Михаэль увидел убитую Машу. Она лежала на спине, задравшаяся юбка обнажила красивые полные ноги. Подбежав, Михаэль поправил юбку. Судорога прошла по телу, и он подумал с ужасом, что если Маша здесь, то и Клава, может быть, лежит где-то рядом.

Отстав на несколько шагов от Игнатьева, Михаэль огляделся. Ему показалось, что он действительно видит Клаву.

Девушка, похожая не неё, сидела под деревом – недалеко, метрах в ста, не дальше. Приблизившись, Михаэль увидел на её рукаве повязку с красным крестом. Клава?! Но почему она сидит, когда надо идти?..

Добежав, Михаэль осторожно тронул девушку за плечо, и мёртвое тело сползло на землю, а голова с тёмно-русой прядью откинулась вбок.

Это была не Клава.

Михаэль оторвался от своих и лихорадочно искал взглядом Игнатьева. Майора он увидел далеко впереди и побежал, ежесекундно рискуя схватить одну из немецких пуль, которые свободно, без помех, жужжали вокруг. Загудели самолёты, послышался свист падающих бомб, и чёрная стена разрыва встала перед ним, отделив от Игнатьева. Взрывная волна потрянула Михаэля, швырнула на землю и оглушила, а когда, придя в себя, он поднял голову, впереди уже не было никого.

...– Живой? – сквозь вату, заложившую уши, дальним отзвуком послышался чей-то голос.

Михаэль оглянулся. К нему подходил сержант Николай Парфенов и с ним ещё трое. Михаэль узнал двух бойцов своей роты: ефрейтора Стеклова – широкоплечего, крепкого колхозника из-под Тамбова и, словно кто-то решивший посмеяться специально составил эту пару, невысокого, щуплого Витю Думенко из Харькова. Третьим был помощник начальника штаба батальона младший лейтенант Данилевский.

Хотя старшим по званию являлся он, тон задавал Николай.

– Идти можешь, политрук? – спросил Данилевский.

Михаэль встал. Его шатало. Николай выжидающе смотрел на него.

– Идём, я помогу. Контузия у тебя лёгкая, быстро пройдёт, – сказал Данилевский.

– Послушай, лейтенант, – нетерпеливо произнёс Николай, – не можем мы с каждым возиться. Времени нет. Оставь его, как-нибудь сам доберётся.

– А если не доберётся?

– Ладно, тащи, – согласился сержант, внезапно изменив своё мнение, – только не отставайте. Я один знаю, как отсюда выбраться. Места знакомые. Ну, давайте, за мной...

Это было странное заявление. Михаэль слышал сам, как Николай кому-то рассказывал, что он родом с Орловщины. Знакомые места? Где Орёл и где Новгород! А у этого типа явно что-то на уме...

Михаэль не заметил, как они оторвались от общей массы и пошли в другом направлении. Стучало в висках, одолевала тоска по Клаве, и, погружённый в себя, он был не в состоянии думать. Даже не сразу почувствовал, что ему стало легче и он передвигается самостоятельно. Данилевский оказался прав.

Способность размышлять вернулась к Михаэлю на привале. Он подозревал, что линия фронта проходит восточнее и понял: либо они сбились с пути, либо сержант сознательно

увёл их в другую сторону. Но зачем?..

Оказалось, что не только Михаэль задаётся этим вопросом. Младший лейтенант тоже обратил внимание, что идут они в другую сторону, и поинтересовался у Николая:

– Ты куда нас ведёшь, сержант? К линии фронта или к немцам в тыл?

– А ты поменьше спрашивай, Данилевский, – спокойно ответил Парфенов, – целее будешь. Туда и веду. Подальше от чекистов, которые за линией фронта поджидают. Попадёшь к ним в лапы – узнаешь...

Ошеломлённый Данилевский несколько минут переваривал слова сержанта и лишь потом обрёл способность говорить.

– Ты что же это, добровольно сдаться решил?.. Вот сволочь!

Михаэль видел, как пальцы младшего лейтенанта заскользили по кобуре, но сержант оказался проворнее. Тигриным прыжком он настиг Данилевского. Оба упали, а через мгновение Николай уже был на ногах, вытирая о траву окровавленный нож.

Поражённые Стеклов и Думенко застыли на месте. Михаэль знал, что не успеет вытащить оружие, а без него не справиться ему со здоровенным сержантом. Если бы другие помогли... Но они стояли неподвижно, словно приросли к месту.

Парфенов посмотрел на Михаэля:

– Не дёргайся, политрук! Тебя убивать не стану. Ты мне для другого дела понадобишься. А вот пистолетик свой отдай по-хорошему. Не то...

Михаэль понимал, что выхода у него нет, и с болью смотрел, как Парфенов засовывает его пистолет за пояс. Затем сержант обратился к остолбеневшим Стеклову и Думенко:

– А вы свои винтовки пока у себя оставьте. В лесу понадобиться могут. Выбросим, когда время подойдёт. Не понравится немцам, если мы к ним с оружием явимся.

– К немцам? – всё ещё не веря услышанному, переспросил Думенко.

– А ты что думал? Они сейчас там, у Мясного Бора, остатки нашей армии в плен берут. А мы сами к ним явимся, и не с пустыми руками. За это и отношение к нам другое будет.

Михаэль всё ещё не догадывался, почему предатель и убийца Парфенов оставил его в живых.

Это выяснилось на следующий день, когда в какой-то деревне они остановились в доме старосты. Неизвестно, знали об этой деревне Николай, или случайно к ней вышел, но разговаривал он с хозяином как со старым знакомым, и Савелий Матвеевич (так звали мужика), выставляя на стол бутылку самогона, картошку и хлеб, предупредил:

– Только не набрасывайтесь! Нельзя с голодухи.

Выпив и разомлев немного, сержант начал откровенничать.

– Немцев в деревне нет, но староста сообщит о нас и скажет, куда нам двигаться. Пока передохнём.

– А почему ты, паря, решил, что они нас с объятиями встретят? – вдруг спросил молчавший до сих пор Стеклов. – Я про немецкий плен другое слышал...

– Дурень ты тамбовский, – лениво потягиваясь, сказал Николай. – А этот, – кивнул он на Михаэля, – на что? С подарком придём. Жидёнок, да ещё политрук. Сдадим его – немцы нам это зачтут.

Хотя Михаэль не заблуждался в отношении Парфенова, его слова ударили в сердце, прозвучали как приговор. Хозяин – деревенский староста, обязательно донесёт. Стеклов и Думенко к Николаю прислушиваются. Правда, при последних словах сержанта Витю передёрнуло, но ефрейтор и глазом не моргнул. А без него один Думенко – что?..

И всё же Афанасий Стеклов высказался. Минут через двадцать, словно о чём-то вспомнив, он заговорил:

– Не могу я так, своего сдавать. Вместе же воюем...

– Отвоевались, – бросил Парфенов. – А насчёт «своих»... Ты же тамбовский. У тебя что?.. Никого из родни в отрядах Антонова не было?

– Ну, были...

– Вот! А кто суматоху затеял? Жиды московские, которые воду мутили и всякие инструкции посылали, как работающего мужика со свету сжить и Россию погубить.

– То, брательничек, дело прошлое. А сейчас немцы по на-

шу душу пришли.

– Тех, кто против еврейской власти, они не тронут. Только лучше самим к ним явиться и усердие проявить. Расскажу тебе историю. Батя мой в гражданскую у красных воевал. И потом активистом был, на селе за Советы агитировал. А насчёт комиссаров, что в войну с продотрядами рыскали, отмахивался: мол, время такое было, тяжёлое. Выхода не было. И сразу про Ленина – что, дескать, Ленин крестьянам землю дал. И так до тридцатого года, пока в колхозы сгонять не начали. Тут-то он призадумался, потому как, хоть и не считались мы по большевистским понятиям мироедами – работали сами, без батраков, – но хозяйство хорошее, крепкое в пору нэпа поставили.

Не тянуло его в колхоз, но как до дела дошло, погладил отец по холке кобылу нашу, Буланку, к лошадиной морде прижался и сказал: «Хоть и много силёнок вложено и пота пролито, ну а коли надо, чтобы, значит, в колхозы всем, то куда тут денешься? Стало быть, и мы пойдём». Тут и комиссия приехала: коллективизацию проводить. С красноармейцами, вооружёнными как положено, с чекистами, чтобы тех, кого на выселение, тут же сразу и повязать. Только отец мой не волновался, как же: заслуженный человек, Советской власти преданный. А ему под нос – постановление: со всем семейством – в Сибирь. Он: «Да что же это делается?! Я такой-то и такой-то, против Деникина воевал!» – а говорить-то не с кем. У них уже всё расписано. Дом добротный, скоти-

на, плуг американский железный, сеялка. Значит, враг. Раскулачить!

– Ну а евреи при чём? – всё ещё боясь смотреть на Парфенова, осмелился спросить Думенко.

– При том, – сказал Николай, – что комиссией этой товарищ Пинский руководил, Рувим Григорьевич. Может, кто другой и сжалился бы, отец-то идти в колхоз соглашался... Только не этот жид. Поворотил свой длинный нос туда-сюда, посмотрел на бату и говорит: «Нельзя этого человека здесь оставлять! Нет ему доверия!» И отправили бы за тридевять земель, если бы не напомнил Рувиму этому кто-то ещё, что отец мой кровь за Советскую власть проливал. Спорили они, спорили, видит товарищ Пинский, что не все на его стороне, и решает: в Новгородскую область сослать, в деревеньку глухую, аккурат отсюда недалеко.

– И то дело, – удовлетворённо произнёс Афанасий, – а у тебя он будто зверь какой...

– Зверина и был. Видел бы ты его! Как только с ссыльными определились, отправилась комиссия эта излишки отбирать. А какие у мужика излишки? Так, запас на зиму. И пошло. Голодранцев, конечно, не тронули, а тех, у кого было что взять – раздетыми во двор выгоняли. С тем и уехали, а чекистов своих оставили. Чтоб от колхоза никто не увернулся.

– А что, – стал допытываться Стеклов, – в комиссии этой только евреи были?

– Только не только, а мне, пацанёнку, одного хватило, главного. Возненавидел я их с тех пор люто: жидовню эту и власть советскую. А вы с Витькой смотрите. Или со мною к немцам на службу, на полное, значит, довольствие, или к ним же за колючую проволоку. Савелий Матвеич – свой человек. Послал уже за кем надо... Ну всё, хватит разговоров. А жидёныша запрём, чтоб не сбежал. Только куда ему бежать? Леса да болота кругом.

Оказавшись под замком в тёмном помещении, Михаэль бросился к окну. Его ждало разочарование: окно было забито, и ставни закрывали его снаружи. Вот почему здесь так темно, хотя ещё не ночь.

Деваться некуда, хочется жить, но приговор объявлен, и надеяться не на что.

Михаэль сел на пол, прислонившись к стене и обхватив руками голову. Несмотря на отчаянное положение, усталость взяла своё, и он забылся тяжёлым, полным странных видений сном, в котором перемешались живые и мёртвые. То Игнатьев, держа в руке вместо револьвера Звезду Героя, подзывал его к себе, то, оголив бесстыдно бёдра, улыбалась Маша, а в стороне стояли, качая головами, Николай Дмитриевич и Лазарь Борисович... А потом появилась Клава в светлом шёлковом платье. Точно такое было у его матери. Клава взяла Михаэля за руку, и они пошли куда-то вдвоём. Михаэль пытался узнать, куда они идут. «Как куда? В Волог-

ду», – засмеялась Клава и смолкла, потому что путь загоразживал Николай Парфенов. Оторвав Михаэля от Клавы, Николай стал трясти его за плечи, почему-то приговаривая: «Да проснись же ты!» Но Михаэль никак не мог проснуться.

Наконец он открыл глаза. Савелий Матвеевич стоял над ним. В комнате сделалось светлее, и можно было разглядеть человека.

– Ну и сон у тебя! – сказал староста. – Не добудиться никак.

В руке Савелий Матвеевич держал небольшой топорик. «Достаточно, чтобы зарубить», – подумал, сжавшись внутри, Михаэль.

Но староста отогнул топором державшие оконную раму гвозди. Только теперь Михаэль заметил, что наступила ночь, но ставни почему-то открыты. Затем Савелий Матвеевич подвёл его к окну.

– Вылезай и беги в лес, – показал он на темневшую за окном громаду. – Прямо держи, а как увидишь тропу, сразу налево бери. До болота дойдёшь – проход там будет промеж кустов. Это от большой тропы направо. Вот по нему иди, не сворачивай, пока другую тропку не увидишь. И уж по ней на восток. Вот тебе на дорогу, – и сунул в руку Михаэлю свёрток.

– Савелий Матвеевич, я... – начал было благодарить растерявшийся от неожиданности Михаэль, но староста, не говоря больше ни слова, подтолкнул его.

Спрыгнув с окна на землю, Михаэль побежал, мечтая об одном: быстрее скрыться в тёмной гуще дремучего новгородского леса.

Большую тропу, о которой говорил Савелий Матвеевич, он нашёл быстро, но тропинку в обход болота не смог отыскать, хотя июльская ночь была довольно светлой. Пришлось сделать привал, превратившийся в долгий беспробудный сон.

Когда Михаэль открыл глаза был уже полдень. Он ещё лежал некоторое время, припоминая то, что произошло накануне. Рассказ сержанта не то чтобы его потряс – скорее удивил. Почему именно еврей должен был раскулачивать и загонять в колхозы крестьян, державшихся за свою землю и не хотевших коллективизации?.. То, что в сотне, тысяче других случаев это делали неевреи, не играло роли. Запоминали еврея, потому что он чужой, потому что лез не в своё дело и хозяйничал на чужой земле.

А если кто-то очень хитрый придумал это?.. Чтобы евреев во главе таких комиссий ставить, а потом на них же всё свалить? Он, конечно, плохо знает историю русской революции, но почему евреи играли в ней такую роль? Лучше бы своими делами занимались.

А сам он? Комсомолец, политрук. Но это необходимость. Идёт беспощадная, небывалая по своей жестокости война. Сейчас у всех, кто на советской стороне, общий смертельный

враг. Значит, правильно, что он в Красной армии, несмотря на все ужасы, которые пришлось пережить. Вспомнив о том, что он не на прогулке и нужно быстрее уходить, Михаэль разглядел растущие справа кусты. Проход был где-то там. С облегчением вздохнув, он повернул направо, но далеко идти не пришлось. За спиной раздался окрик, и, обернувшись Михаэль увидел направленные на него винтовочные стволы. Те, кто взял его на прицел, были в изорванном красноармейском обмундировании.

– Снимай сапоги, политрук! – скомандовал исхудавший верзила (как видно, старший). – Сапожки твои пригодятся.

Застигнутый врасплох Михаэль не шевелился.

– Ну!..

Сев на землю, Михаэль стал медленно стягивать правый сапог. В свёртке, что дал ему Савелий Матвеевич, был пистолет. Михаэль засунул его за пояс. Пистолет был на боевом взводе. Но как опередить? Как выхватить оружие раньше, чем в него начнут стрелять?

– Ну ты, шевелись! – Стоявшие перед Михаэлем были готовы на всё. Об этом говорили их мрачные враждебные лица. Были это сознательные дезертиры или обезумевшие от голода окруженцы, не имело никакого значения. Весь вид этих бывших бойцов погибшей ударной армии свидетельствовал об их намерениях.

– Тощий, – сказал один из троих.

– Ничего, – отозвался другой. – Поджарим – сойдёт. Без

соли, зато молодой...

«Хотят убить и съесть!» – прозвучало в голове. Лишь теперь ощутил Михаэль настоящий, пещерный ужас. Даже в доме старосты ему не было так страшно. Там были люди, которые могли вмешаться и вмешались. А здесь? Кто появится в этих гиблых местах? Ещё одни, жаждущие человеческого мяса?

Только он не уступит. Будет сражаться за жизнь.

– Гимнастёрку тоже сниму, – Михаэлю казалось, что он говорит спокойно, но на самом деле его трясло. – Не пропадать же...

– Это мы сами, – сказал старший. – Давай, вставай и беги!

«Значит, будут стрелять в спину?..»

Всё решали секунды. Поднимаясь, Михаэль покачнулся и, делая вид, что теряет равновесие, выхватил пистолет. Но опередить не удалось. Раздались выстрелы, только упали почему-то те, кто должен был стрелять в Михаэля. Лишь верзила остался на месте. Он тоже стрелял, но какая-то непонятная сила бросила Михаэля на землю, и пуля сбила давно уже выцветшую, в разводах грязи и соли пилотку. Мгновением позже упал верзила. Михаэль так ничего и не понял. Он не успел ни разу выстрелить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.